

Алена
МОСКОВСКАЯ

СОХРАНИ МНЕ ВЕРНОСТЬ

Алена Московская

Сохрани мне верность

«Литнет»

2025

Московская А.

Сохрани мне верность / А. Московская — «Литнет», 2025

♥#МОЯ НОВИНКА "ИЗМЕНА. ВЕСТНИЦА РАЗЛУКИ";—
Леш, мы же семья... — Какая семья, Тань!? Правде в глаза уже посмотри! —
ошарашил меня муж, — ты хочешь все наладить, а я хочу другую! Пауза и
словесная пощечина. — Да, Таня, ты мне как жена больше не нужна. Устал я,
надоело! Этот дом и ты для меня чужие уже давно. Двадцать лет брака. Дом,
карьера, привычка быть вместе. Но где-то между воспитанием дочери и «хлеб
закончился» мы потеряли друг друга. Я — нелюбимая женщина. Он — вечно
занятой муж. Развод? Или "нас" еще можно спасти? Спрашивала я
себя, пока его любовница не появилась в дверях нашего дома. Здравствуйте,
я беременна от вашего мужа. ♥#ХЭ♥#Книга участвует в литмобе “Развод с
властным мужем”

© Московская А., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Знакомство с героями 1	11
Знакомство с героями 2	12
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	35
Глава 11	37
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	46
Глава 16	49
Глава 17	53
Глава 18	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1

Эта зима будет особенно холодной.

Не потому что мой муж разделит тепло в постели с другой.

Просто... в моем сердце больше нет огня.

Жизни нет, радости нет. Только тоска по прожитым годам, только сожаление о потерянном счастье.

А было оно? Вопрос.

Три месяца до.

«Все начинает рушиться по кирпичику»

Татьяна

Сегодня мы дали очередную трещину.

Больно. Страшно. Но слишком ожидаемо.

“Ночевать не приеду. Занят.”

Четыре слова, которые не обрадуют ни одну женщину.

Я подошла к окну и сложила руки на груди.

Тяжело выдохнула. Долго и протяжно.

– Что не так? – который год задаю себе этот вопрос.

Так же и абсолютно противоположный.

– На чем мы еще держимся?

Мы с Лешей уже не молоды, двадцать лет в браке, пять из которых живем как соседи.

Что только не придумывала, как только не наряжалась, глаза его больше не горят, когда он на меня смотрит.

Грущу, чисто по женски. Хочется снова ощутить теплые прикосновения мужа, увидеть блеск, увидеть, как закусывает губу, как раньше, когда хочет увидеть меня в красивом белье.

Хочу чтобы он элементарно грязно и пошло шлепнул меня.

И пусть мне уже почти сорок, и пусть я взрослая серьезная женщина на высокой должности.

Дома я просто хочу быть желанной.

Злость вспыхивает молниеносно. Я достаю телефон и набираю гневное сообщение.

– Нет, ты приедешь домой и мы нормально поговорим! Сколько можно? Жду тебя на ужин в 20:00. Отказ не принимается.

И резко заблокировав телефон разворачиваюсь к рабочему столу.

Хватаю со стула шаль и сумку.

– Татьяна Борисовна, — вдруг стучат в дверь, но я лишь отмахиваюсь. Мысленно и физически.

– Ленка, нет меня, все, я уеду сейчас.

Наш звукорежиссер Елена тут же распахивает дверь и косится на меня.

– Я же сказала, меня нет, – я не обращаю внимания и направляюсь в ее сторону, — в кое то веки могу себе выходной устроить?

– Тань, – она щурится и осматривает меня с ног до головы, – у тебя все в порядке?

– Да, все хорошо, — я отмахиваюсь и хватаюсь за ручку.

Пока перед этими наглыми рожицами двери не захлопнешь - не отлипнут.

Татьяна Борисовна, репетиция хора, Татьяна Борисовна, костюмы отшили. А когда будет ремонт проектора, Татьяна Борисовна?

Все дай только им, никто ничего в ответ не отдает.

Надоели, сил нет.

Злая до жути.

— Лен, домой надо, выходной у меня, все нормально, не переживай и не болтайте тут, знаю я вас, языками чесать мастаки, домой надо, — я чувствую ее шаги за спиной, но продолжаю спускаться по лестнице, — если будет что-то критичное — иди к заму.

— Ладно, ладно, — она сменила тон на более веселый, — хулиганка ты такая, Тань.

— Цыц! — я остановилась на последней ступеньке, — цыц! Работать! Чтобы завтра пришла, а у вас тут все готово.

Лена кивнула и, слава Богу, больше ничего не говорила.

А я со спокойной душой направилась домой.

По пути заехала в продуктовый. И помяните мое слово — чем больше ты берешь корзину на входе, тем больше тебе в нее хочется положить.

Благо, я на машине и до багажника смогла тележку довести.

Две бутылки красного вина. Сухого. Стейки мясо, маринад.

Все прибабасы в виде кучи сыров и фруктов.

Разорилась бы, если бы не карточка Леши. Ну ничего, если он видел мое сообщение, то и смс о покупке увидит.

Дома его будет ждать злая и любящая жена.

Это всегда страшное сочетание.

Добираюсь до дома сначала по трассе, после по не расчищенной дороге.

Чуть ли не застреваю в сугробе у въезда в наш жилой комплекс. Мысленно уже откапываю колеса, но повезло, пронесло.

Открываю дверь ногой. Пакеты режут пальцы, тяжело.

Снег осыпается с сапог прямо в прихожей. Вот зараза.

Еще и дома тихо. Да уж.

Тащу пакеты на кухню, спотыкаясь.

Холодильник гудит, когда я его открываю.

Металлический звук, будто кто-то ворчит на меня за поздний приход.

Расставляю продукты.

Вино — в дверцу. Сыр — на нижнюю.

Мясо — в миску, пусть согреется.

Шорох за спиной.

Мой Васька. Кот.

Сонный, медленно выкатывается из спальни.

Серый шар меховой. Вальяжно тянется, зевает, смотрит на меня.

Бусинка моя.

— Привет, мой хороший, — я тут же беру его на руки.

Он издает тихий, протяжный "мяу".

Я прижимаю его к себе, чувствуя тепло.

Хоть кто-то ждет в этом холодном доме одиночества.

Оставляю кота на подоконнике — пусть за птичками посмотрит, поохотится.

Васька укладывается, поджимает лапы, топорщит усы.

А я достаю гриль с дальней полки.

Протираю тряпкой и включаю плиту.

Мясо шипит, сок с маслом расплескивается. Пахнет как, обеденье.

Аж глаза режет от жара и воспоминаний.

Когда-то я делала это часто.

Леша заходил домой, снимал пиджак, целовал меня, и я шептала себе, наивно, что это навсегда...

А теперь просто на автомате ставлю всё в духовку, чтобы не остыло.

Как будто можно сохранить тепло...

Не от ужина. Душевное...

Отбрасываю плохие мысли куда подальше и смотрю на часы. Время — семь. Еще чуть-чуть. Он скоро придет. Фух, вроде все успеваю.

Стругаю салат. Руки двигаются быстро, бездумно. Как у шелкунчика.

Нож стучит по доске. Но каждое движение словно удар по сердцу.

Будто не ужин готовлю, а собираю по крупичкам надежду.

Оглядываюсь на стол. Две тарелки. Два бокала. Слишком нарочито, слишком красиво — будто не к возвращению мужа с работы готовлюсь, а к первому свиданию. Трепет как в студенческие годы.

Смешно.

Сердце то стынет, то бьется сильнее. Переживаю мрак.

Я сама не понимаю, чего боюсь больше — его взгляда или пугающего равнодушия.

Оставляю все и бегу в ванную.

В зеркале — уставшая женщина.

Кожа бледная, губы сухие, взгляд потухший.

Быстро умываюсь.

Капли воды стекают по шее.

Мажу лицо кремом и бегом к шкафу.

На выбор белья уходит вечность.

Белое — нет, бретельки неудобные.

Черное — нет.

Может, красное?

Слишком вызывающе. Или — именно то, что нужно?

Меряю одно за другим, и каждый раз — будто примеряя себя заново.

Все, Тань, на этом остановимся.

Смотрю на часы.

Без десяти.

Пальцы дрожат.

В груди — пустота и надежда, в равных долях.

Я делаю глоток воздуха, и слышу как хлопает входная дверь.

– Я дома, – родной голос раздается эхом по коридору.

– Бегу, – я быстро поправляю халат и выхожу в коридор, – привет.

– Привет, – отвечает он без эмоций и ставит на пол рабочую сумку, – привет.

Глава 2

Татьяна

Он вошел, как в чужой дом.

Ни улыбки, ни взгляда — просто шаги по коридору.

Я стою у стола, держу ложку, будто оружие.

Он молча снимает пиджак, аккуратно вешает, расправляет рукава.

Лицо каменное, взгляд на экран телефона.

Пальцы скользят по нему быстро. Что-то печатает. Едва заметная улыбка.

Я двигаюсь почти на автомате: сервирую, ставлю тарелки, накладываю мясо. Запах, который должен был согреть, вдруг давит. Глаза режет, хотя это не дым, а слёзы, застрявшие где-то внутри.

Он всё так же стоит, чуть сутулясь, улыбается в экран.

Улыбается.

Первый раз за последние дни..

Но не мне.

— Что там у тебя? — спрашиваю зачем-то.

Голос чужой, слишком мягкий, будто я боюсь его почему-то.

Он отрицательно качает головой, даже не поднимая взгляд.

Потом подходит ближе, забирает из моих рук штопор.

— Я налью, — произносит тихо и показывает рукой на стул, — Сядь уже.

Я послушно сажусь. Пальцы цепляются за край халата, пытаюсь расправить, плечо чуть оголяю. Движение дико неуверенное.

Смешно, почти жалко. Таня, блин... ты ведь женщина, соблазнительница.

Но моей грацией соблазнять только кабачки.

— Я готовила, как ты любишь, — я снова поправляю халат, зачем не знаю.

Он ставит бокалы, открывает вино.

Экран смартфона снова вспыхивает.

Он мельком смотрит, угол губ дрогнул.

Не в мою сторону.

— Я не голоден, — внезапно произносит Леша и ставит бокал передо мной.

У меня в горле — ком. Что?

В это мгновение я как будто глотаю осколок битого стекла.

— Но я готовила, — выдыхаю я, — Старалась. Ты поел перед тем как приехать?

Он делает глоток вина, взгляд скользит мимо, будто я — не человек, а стул, часть интерьера в этом холодном доме.

— Просто нет аппетита, Тань. Я с тобой посижу.

Спасибо и на этом...

Он садится напротив. Бокал в его руке, телефон рядом. Экран светится. Пальцы то тянутся, то отдергиваются.

Он будто здесь и не здесь.

Я пытаюсь сесть как-то иначе. Поворачиваюсь плечом, выпрямляюсь. Нога скользит под столом, касаюсь его ноги случайно — он чуть отодвигается.

Вино горчит. Мясо зато идеальное.

Всё внутри меня сжимается от этой тянущейся тишины.

Он не говорит ничего.

Смотрит куда-то в сторону, на стену, на бокал, на стол. Словно места ему тут нет.

На меня — ни разу.

Взгляд холодный. Беззвучно говорит: отстань.

А я всё сижу и пытаюсь найти слова. Как переключить его внимание с телефона на себя? Как вернуть хотя бы минуту той близости, что когда-то была между нами? Смотрю на свои руки — крем на коже, маникюр, кольцо.

На груди красное белье под шелком халата. Я же старалась. Выбирала мясо, мариновала, готовила.

Что не так со мной?

Он вдруг встает.

Берет свой телефон и пишет кому-то короткое сообщение.

На экране мелькает смайлик.

Я делаю вид, что не вижу.

Только внутри всё стынет. Мир как будто медленно гаснет, и от былой жизни остаются одни звуки: тиканье часов, дыхание, и глухое, ледяное — больше не люблю.

Я режу мясо медленно, будто оно виновато.

Вилка звенит о тарелку, а он молчит.

Чтобы хоть чем-то заполнить эту вязкую тишину, начинаю говорить.

— Сегодня день тяжелый был. Репетиция хора, костюмы привезли. И шелк, кстати, наконец приехал. Я...

Не успеваю договорить.

Телефон.

Резкий звук, будто плевков в лицо. Леша сразу оживает.

Улыбается — снова.

Берет трубку, отмахивается от меня жестом:

— Минутку.

Минутку.

Мне хочется схватить этот его телефон и разбить об пол, но я просто опускаю голову.

Режу стейк.

Отрезаю кусочек, кладу в рот — и он кажется резиновым.

Глотаю обиду вместе с мясом.

— Не знаю, навряд ли. А что случилось? — говорит он и голос другой. Мягкий такой, вежливый тон.

Совсем не тот, каким он обращается ко мне. Или я схожу с ума? Слушаю и чувствую, как всё внутри леденеет.

Он подходит к окну, поворачивается спиной.

Смеется тихо. Чужим смехом.

Я перестаю есть. Смотрю на бокал, на отражение лампы, чтобы не смотреть на него.

— Подумай, ладно? — говорит он кому-то и сбрасывает звонок.

Возвращается к столу, садится.

Делает глоток вина, будто ничего не произошло.

— Я не смогу прийти на твой концерт, — говорит спокойно, — Скорее всего уеду завтра. На недельку где-то. Посмотрим.

У меня из рук почти выпадает вилка.

— Уедешь?

— Ну да. Проект там, на Валдае, всё надо контролировать. Следить за этими обалдуями. Как всегда, Тань.

Да уж, точно как всегда. Работа. Отговорки.

А я, как идиотка, готовила ужин. Хотела, чтобы он просто посмотрел на меня, увидел, что я жива. Что его жена рядом и любит его. Собираю остатки достоинства.

Голос дрожит, но стараюсь, чтобы он звучал ровно:
— Тогда Расскажи ты о себе. Что у тебя нового?
Он пожимает плечами. Отодвигает тарелку с мясом, трет висок.
— Лера сегодня купила мне брелок на машину. Подарила. Так, по мелочи.
Достает ключи из кармана.
Брелок — ярко-оранжевый, блестит.
Как кусок солнца, которого мне уже не светит.
Он крутит его в пальцах, довольный.
— Кто такая Лера? — спрашиваю тихо.
Вопрос вырывается сам. Без злости, без крика. Просто... страх. Тот самый страх каждой женщины. Кто такая Лера?..
Он сразу будто спохватывается.
— Коллега. Просто коллега.
Смотрит на меня спокойно, даже слишком. Слишком спокойно, чтобы это было правдой.
Просто коллега...
А брелок — яркий. Он же не любил яркое. Никогда. Ни в одежде, ни в доме. А теперь, видимо, любит.
Я киваю.
И отворачиваюсь, чтобы не видеть, как он кладет ключи рядом с телефоном.
Два символа его новой жизни.
А я — просто женщина напротив.
Тишина опять падает между нами.
Стук часов кажется громче, чем дыхание.
Хочется что-то сказать, но язык будто обожжен.
Он поднимается, берёт телефон, набирает сообщение.
Улыбается в экран. Я не выдерживаю, отодвигаю тарелку, встаю и иду в ванную.
За спиной слышу его голос:
— Не обижайся, Тань. Просто устал.
Я не оборачиваюсь. Просто просто так начальнику всякие коллеги брелки не дарят. День рождения у него не скоро и 23 февраля тоже.
Я глубоко дышу, стою у раковины, держусь за край стола.
А потом тихо, одними губами, почти без звука, говорю в пустоту:
— Просто коллега...
*Дорогие читатели! ##
Спешу поделиться с вами замечательной новостью!*
В честь главного читательского события этой весны — *Библионочи 2026* — на всех моих страницах для вас действует *специальное предложение!*
19 апреля на все книги суперскидка 50%!
Это отличный шанс успеть окунуться в мир ярких, сильных, разных эмоций — от боли и драмы, до нежности, страсти и настоящей любви. ♥#
Выбирайте истории по душе, добавляйте книги в библиотеку и читайте с удовольствием!
ССЫЛКИ НА МОИ СТРАНИЦЫ:
##АЛЕНА МОСКОВСКАЯ: <https://litnet.com/shrt/e004>
##РИТА НЕСТЕРОВА: <https://litnet.com/shrt/NQ5b>
##КАРА РАЙР: <https://litnet.com/shrt/n62u>
Приятного чтения и покупок##

Знакомство с героями 1

Татьяна Мартынова, 39 лет.

Руководитель дворца культуры.

Женщина с мягким голосом и уставшими глазами.

В молодости — огонь, сейчас — тлеющий уголек под слоем быта.

Дочь уехала, муж — всё дальше.

Таня держится за привычку, за дом, за порядок, будто это спасёт её от одиночества.

Хочет просто быть счастливой женщиной, но сможет ли? Вопрос.

Алексей Мартынов, 42 года.

Бизнесмен, успешный, собранный, всегда при деле.

Привык решать всё быстро и без эмоций.

У него подчиненные, графики, стройки, звонки — вся жизнь расписана по минутам.

Когда-то мотрел на жену с интересом, а теперь всё чаще ловит себя на равнодушии.

Дом стал местом, где надо отдыхать от себя.

Он не злой — просто выгорел.

И пока Таня ждёт тепла, он ищет его в другом месте, сам не понимая, как до этого дошло.

Можем листать дальше...

Знакомство с героями 2

Лера, 27 лет.

Новая секретарша в компании Мартынова.

Красивая, ухоженная, уверенная в себе до наглости.

Её улыбка — как визитка, а голос звучит мягко только тогда, когда нужно.

Лера привыкла получать внимание и не видит в этом ничего плохого.

Она искренне считает, что любовь — удел молодых и ярких, а старость — это конец.

Алексей для неё не просто начальник, а цель — зрелый, статусный, тот, рядом с кем можно почувствовать себя «особенной».

Аня Мартынова, 21 год.

Дочь Тани и Алексея.

Уже третий год живет за границей, учится в университете, снимает небольшую квартиру и старается не зависеть от родителей.

Самостоятельная, умная, с характером матери и спокойствием отца.

С мамой — на связи почти каждый день: звонки, видео, советы.

С папой — реже, разговоры формальные.

Приезжает домой пару раз в год, скучает по детству, по запаху пирогов и голосу мамы.

Для мамы — единственный свет.

Дорогие читатели, рада приветствовать вас в этой эмоциональной истории!

Обещаю, равнодушными вы точно не останетесь.

Не забывайте добавлять книгу в библиотеку и ставить лайки, чтобы не потерять!

Инструкция:

Глава 3

Татьяна

В голове крутится один и тот же вопрос: выяснять или промолчать?

Но сил нет. Ни для ссор, ни для слёз.

Выдохнула, посмотрела по сторонам и вышла в зал.

Там полумрак. Только торшер у дивана горит мягким светом.

— Давай фильм посмотрим? — спрашиваю тихо. Голос дрожит, но стараюсь улыбнуться.

Он на мгновение поднимает взгляд, будто решает, стоит ли.

Потом кивает.

— Давай.

Садится рядом, включает телевизор.

Через пару минут встает и приносит плед — мой любимый, с зелёными веточками.

Накрывает меня аккуратно, поправляет край у плеча.

Так, будто всё еще помнит, каково это — заботиться.

Я замираю. Душа словно не знает, радоваться или бояться.

Он рядом.

Тепло его руки ощущаю даже через ткань. Запах его духов — знакомый, чуть терпкий.

Тот, что я когда-то выбирала сама и дарила ему просто так без повода.

И сердце, предает, делает лишний удар.

Леша снова садится рядом, откладывает телефон.

Молча.

Включает наш любимый фильм. Заставка. Музыка.

И вдруг телефон мигает снова. Пришло новое сообщение. Режет меня без ножа. Леша переворачивает его экраном вниз.

Мелочь. Но я всё вижу, да и тело будто леденеет. Под моим любимым пледом теперь тоже холодно. Вот что значит, когда любовь не греет.

Смотрю на него — профиль, взгляд устремлён в телевизор. Вроде бы всё как раньше.

И всё равно не так.

Внутри всё напряжено, будто жду удара в спину. Такого неожиданного и такого ожидаемого в тоже время. Я жду пока реальность и правда ударят по мне. Наверное, махохистка.

— Принести тебе ещё вина? — спрашивает вдруг он.

— Принеси, — шепчу я, — И себе тоже.

Снова кивает, снова встаёт.

Идет на кухню.

Я остаюсь одна.

Диван мягкий, плед тёплый, фильм идёт.

Но я не чувствую ничего.

Смотрю на перевёрнутый телефон.

Хочется заглянуть. Узнать.

С кем он там? Что пишет? Кому улыбается?

Секунда — и я понимаю, что я то на самом деле боюсь правды.

Плед с зелёными веточками пахнет им.

Ткань гладкая, чуть колется у щеки.

Я сжимаю её руками, будто держусь за воспоминание.

Хочу поверить, что этот жест — не просто привычка.

Что он действительно вспомнил обо мне, о нас, о том, что когда-то было.

Он возвращается с бокалами, садится рядом, протягивает вино. Смотрит на меня чуть дольше обычного. Не холодно. Просто будто ищет что-то, чего уже нет. Я киваю в знак благодарности, делаю глоток. Горло обжигает. Фильм идёт, экран мигает светом. Я делаю вид, что смотрю, но всё внимание — к телефону, к его руке, к дыханию рядом.

И вдруг ловлю себя на мысли: я так цепляюсь за каждую мелочь, что готова считать плед знаком любви.

Хотя это, может быть, просто привычка.

Привычка заботиться о женщине, которую он когда-то любил.

Он молча смотрит на телевизор.

Я смотрю на него.

Понимаю, что не решилась бы дотронуться до родного мужа.

Мы уже слишком чужие. Слишком далеко.

Хочется просто спросить прямо, но язык будто прилип к нёбу.

— Леш, — тихо, почти шепотом все-таки произношу, — А куда именно ты поедешь?

— На Валдай, тот проект, о котором говорил. Курорт достраивают, куча нюансов, — отвечает моментально.

Даже не моргает.

— Один поедешь?

Он слегка улыбается, не отрывая взгляда от экрана.

— Нет, конечно. Команда едет.

Команда...

— А кто именно? — спрашиваю осторожно.

Он будто лениво вспоминает:

— Ну, Пронин, бухгалтерша, инженер, Лера, еще пара ребят... все те же.

Произносит "Лера" так, будто случайно.

Без паузы. Без напряжения. Но я замечаю, как он чуть отвёл взгляд.

Мелочь. Снова. .

Я киваю, делаю глоток вина.

Смотрю на него, будто пытаюсь поймать хоть что-то — жест, интонацию, взгляд.

Но ничего.

Абсолютная гладь.

Ни фальши, ни искренности. Просто человек, который давно научился не показывать ничего.

Он лениво берет пульт, прибавляет на один. Как будто разговора не было.

А у меня внутри всё сжимается. Не чувствую лжи, но есть что-то... не то. Невидимая трещина. Словно где-то там, между фраз, осталось то, что он не сказал.

Я тихо поправляю плед. Пытаюсь улыбнуться.

— Аня приедет через две недели. Ты вернешься к её приезду?

— Да, — отвечает быстро, даже слишком.

Сразу. Без паузы. И взгляд снова на экран телевизора.

Убегает от меня.

Да.

Только одно слово.

А мне хочется спросить: "Да — вернешься? Или да — соврешь?"

Но я молчу.

Не хочу разрушать это хрупкое «спокойствие».

Мы сидим рядом, будто всё в порядке.

Только я чувствую, как изнутри всё проваливается, будто стул подломился, а я держусь за воздух.

Он откидывается на спинку дивана, берёт бокал, делает глоток, ставит обратно.
И всё.

Никаких «поговорим», никаких «всё будет хорошо».

А я сижу, и думаю: если там, на работе, есть она — я узнаю.

Как бы глубоко он ни прятал, я всё равно найду. Я всегда чувствую все.

В груди осадок, но где-то под ним уже просыпается горстка смелости.

Я всё выясню сама.

И если у него есть кто-то... я точно узнаю.

Дорогие читатели, приглашаю Вас в свою новинку ##

Если Вы любите эмоции на пределе, сильных мужчин, сложные чувства и любовь, которая переворачивает жизнь, — вам точно сюда.

Первая любовь ворвется в жизнь героев вместе со старыми ранами, болью прошлого и встречей, после которой уже ничего не останется прежним.

Переходите, будет интересно... и очень горячо ##

"ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ ОФИЦЕРА"

ССЫЛКА НА КНИГУ: <https://litnet.com/shrt/UJBs>

— Ты не сказала мне о сыне, — он держит меня за руку и не собирается отпускать. — Почему, Люб?

— Какой смысл об этом говорить? Столько лет прошло.

— Я бы не бросил вас.

— Себе-то не ври, Шарапов, — я одергиваю руку. — Оставь меня в покое и больше не приезжай.

Десять лет назад он ушел в море на службу, а я осталась ждать.

Зачеркивала дни в календаре, жила его письмами, верила каждому слову... пока однажды не узнала, что у Саши уже другая, беременная от него женщина.

Тогда я осталась одна с разбитым сердцем, на сносях, без работы и денег.

И сейчас, стоя передо мной, он реально думает, что может выручить меня один раз, и я все прощу?

— Я не потеряю тебя снова. — все не понимается он.

— Поздно, — думала я, но он решил меня переубедить.

Читать тут: <https://litnet.com/shrt/UJBs>

Глава 4

Татьяна

В кровать мы легли молча.

Без «спокойной ночи», без поцелуя и “ может поправим одеяло”?

Он выключил верхний свет, оставил только слабый ночник у стены. Комната утонула в полумраке, и тишина стала почти невыносимой. Словно я слышала стук собственного сердца у себя в перепонках. Мерзкое ощущение.

Я лежала рядом, еще чувствуя, как шелк белья холодит кожу.

Тот самый комплект, что надела часами ранее. Может, если он увидит, если хоть на секунду задержит взгляд, вспомнит, что я для него женщина, а не просто часть мебели?

Глупая наивная мысль или стоит рискнуть?

Он повернулся ко мне.

Взгляд был долгим, внимательным, но в нём не было ни искры, ни желания — только усталость.

— Тань, — тихо сказал он, — Ты для меня одевалась?

Я не успела ответить. Вопрос ударил под дых. Жесткая пощечина только из слов.

Горло сжало, щеки загорелись.

Он сел, облокотился на изголовье, тяжело и протяжно вздохнул.

— Ну, Тань... нет у нас больше страсти. Рюши кружева не заставят в штанах что-то бурлить. Не хочу я секса. Устал и больше морально, чем физически.

Я замерла. Даже воздух будто стал гуще.

Он говорил спокойно, но в его голосе звучала боль, как у человека, который наконец решился сказать то, что держал в себе слишком долго.

Леша...

— Я не знаю, когда всё ушло, Тань. Мне и самому не по себе. Кошки словно по спине скребут. Просто постепенно, незаметно улетучилось.

Пауза.

Напряжение.

Меня как будто парализовало. лежала и не двигалась, старалась даже не моргать.

Давай, Леш, поговори со мной откровенно. Я хочу узнать, что так тяготит твою душу и сердце.

— Ты красивая, правда. Правда, правда, красивая ты женщина, Тань. Моя жена, умная, сильная. Но когда я смотрю на тебя, я вижу не женщину. Я вижу жизнь нашу. Всю. От начала до конца.

Он потер лоб, не глядя на меня.

— Свадьба, ремонт, пеленки распашенки, Аня, твоя работа эта вечная... Всё это как будто заслонило нас самих. Готовка, уборка, бытовуха сожрала. Я не чувствую того, что было раньше. Давно уже не чувствую.

Я лежала, слушала и чувствовала, как в груди всё стынет.

Он продолжал, будто оправдывался:

— Я не изменяю тебе. Это не в этом дело. Просто мне легче быть одному. В своих мыслях, самому себя удовлетворить. Иной раз не хочу домой, потому что ты так... На работе, там нет твоего взгляда. Иногда я уединяюсь... ну... сам с собой, потому что так проще. Без давления, без вины этой гребаной. Без всяких претензий типо как ты говоришь, — снова пауза, — ты это не убрал, ты тут не убрал. Тань, ну если я годами сковородку ставлю не туда или носки раскидываю, может бесполезно меня годами пилить? Ну не изменюсь я. Не изменюсь. Только добавляет драматизма, блять. Сколько можно пилить меня?...

Тяжелый выдох.

Я сжала пальцами простыню.

Хотелось закричать, но я молчала.

Он говорил спокойно, почти нежно, и от этого было ещё больнее.

— Я ведь помню, как ты раньше смеялась, как пахла после ванны. Помню, как ты ждала меня с работы. Тогда я чувствовал себя нужным. Реально нужным. Ты даже рубашки мои, банально, просто заботилась. А теперь... не знаю. Мы просто живём. Как два соседа, только с общей историей.

Я лежала уже спиной к нему, чтобы не видеть его лица.

Поправила ляжку белья, глупый жест — будто от этого что-то изменится.

Глаза защипало, слёзы выступили сами собой.

Он заметил.

— Не плачь, — тихо произнес он, — Я не хотел тебя обидеть. Просто сколько можно скрывать и притворяться что у нас все нормально. Может так все живут, я не знаю. Год, два, пять там все нормально, а потом только накопившиеся обиды и ссоры. ладно хер с ним, с ссорами. Мы к безразличию пришли. Просто... не могу больше делать вид.

Повернулся на спину, положил руки за голову.

— Ты мне дорога, Тань. По-настоящему. Просто по-другому. Как жена и мать моего ребенка. не как страстная любовница с которой я хочу стянуть это красивое белье...

Я кивнула, хотя он этого не видел.

Всё внутри оборвалось.

Я поняла: он не предатель, не злодей. Просто уставший человек, которому больше нечего дать.

Мы лежали рядом.

Два тела на одной кровати и две жизни, которые давно разошлись, но продолжают существовать рядом из привычки.

Он дышал уже спокойно, будто разговор его освободил. Так скорее всего и есть. Просто правда.. просто искренность.

А я слушала это дыхание и думала, как можно быть так близко и так далеко одновременно.

Отвернулась к стене, зажала ладонью рот, чтобы не вырвался всхлип.

На подушке остались мокрые пятна.

Слёзы текли тихо, почти беззвучно.

И я думала — вот так, без криков и измен, заканчивается любовь.

Не ударом, не сценой, а простыми словами: мне легче одному, на работе нет твоего взгляда.

Может, это и честно.

Но от честности было так больно, что хотелось исчезнуть.

Я лежала, слушала, как он засыпает,

и шептала в темноту:

— Я всё равно найду способ тебя вернуть. Или хотя бы себя.

Но он уже спал.

А между нами осталась только пустота и слишком много правды.

Он считает меня Мегерой, которой только и умеет пилить. А я ведь не такая.

Я своего мужа люблю...

Не удержалась.

Протянула руку, осторожно коснулась его спины.

Тот самый человек, с которым я прожила двадцать лет.

И в то же время — будто чужой.

Не знаю, зачем я к нему прикоснулась. Хотела убедиться, что он ещё здесь? Что не исчез совсем?

Кожа под пальцами теплая, но в этом тепле нет отклика.

Он не повернулся, не дернулся, не заметил.

Я смотрела в потолок и думала, сколько таких женщин, как я, сейчас лежат в темноте рядом с мужьями, слушают их дыхание и чувствуют ту же пустоту? Сколько?

Сколько нас — тех, кто всё еще любит, но уже не чувствует себя любимой.

Сколько?

Сколько потеряли себя в заботах, детях, работе, в этом бесконечном "надо". Надо. надо, женщина ДОЛЖНА?

Когда это всё стало таким?

Когда ушло то, что вначале было таким взрывным, весь этот водоворот чувств, что казалось — навсегда?

Помню первые месяцы, как мы смеялись, как я не могла дождаться вечера, как сердце сжималось, когда его видела.

Он вздохнул во сне, перевернулся на бок, и я снова почувствовала этот запах — его одеколон, немного табака, немного усталости.

Когда-то от этого запаха у меня кружилась голова.

А сейчас — просто воспоминание.

Может, всё так и должно быть?

Может, любовь всегда превращается в привычку, а привычка — в тишину?

Но почему так больно понимать это?

Мне, взрослой женщине почти 40 лет...

Почему я всё ещё хочу, чтобы он посмотрел на меня иначе? Как на девочку, как бы глупо не звучало. на маленькую девочку о которой он сам заботиться хочет, а не скрываться от глаз моих.

Хочу чтобы улыбнулся, просто так, без причины.

Я убрала руку, закрыла глаза, но сна не было.

Я не знала, можно ли вернуть что-то хорошее между нами.

Но знала точно — так жить дальше нельзя. Мы мучаемся. Оба страдаем и ничего не делаем.

Все, Тань, дыши.

Мы будем что-то менять и начать стоит с сюрприза на работу.

Пусть знает, мне интересно чем он живет и какие у него новые проекты.

*Дорогие читатели, сегодня приглашаю в книгу нашего лимтоба от Аси Акатовой
Развод. Кусай локти, козел!*

Ссылка: https://litnet.com/shrt/_DRu

Аннотация:

- Кто шлет тебе интимные фото?! - случайно прохожу мимо компьютера мужа и впадаю в ступор.

- Да спам это,- Владимир быстро закрывает вкладку,- ткнул куда-то не туда и накачал вирусов, теперь выскакивают непотребства всякие.

Я поверила. У каждого же такое было. Вот только оказалось, что спам-рассылку делала бывшая жена мужа. Сначала в компьютер его пробралась, потом разрушила нашу семью.

Отомщу обоим. Скатертью дорожка, голубки. Вы еще пожалеете, что предали меня. Будете кусать локти, козел и козлиха.

Глава 5

Татьяна

Я проснулась от тишины.

Такой, в которой сразу чувствуешь — человека рядом нет.

Потянулась к подушке, нащупала холодную простыню.

Пусто.

Даже запаха его не осталось.

Просто ушёл.

Без шороха, без звука, без «до встречи». Эх...

Я лежала ещё немного, глядя в потолок.

Не то чтобы удивилась — нет.

Просто где-то глубоко под рёбрами стало тяжело, будто туда положили булыжник.

Я встала, медленно пошла в ванную. Зеркало встретило уставшую женщину. Лицо немного опухшее, глаза покрасневшие. Смешно — я даже не плакала ночью, просто не могла уснуть.

Включила воду, стояла под душем долго. Горячая струя стекала по коже, смывая тревогу, усталость, вчерашнюю боль.

Я закрыла глаза и представила, что вместе с водой уходит всё, что тянет вниз.

Пусть хотя бы сегодня утром станет легче.

Вытерлась, нанесла крем, сделала укладку.

Достала любимую помаду, чуть румян — и вроде лицо ожило.

Челка легла как надо, глаза блестят.

Наклонилась ближе к зеркалу, подмигнула своему отражению.

....

— Так приятно — улыбаться себе с утра, — прошептала я.

И впервые за долгое время в уголках губ действительно появилось что-то похожее на улыбку.

Ой, Таня, Таня.

Телефон на тумбочке молчал.

Ни сообщений, ни пропущенных.

Я включила экран, надеясь увидеть короткое: “Доехал”, “Целую”, “Уехал, не будил”.

Но там — пусто.

Просто уехал.

Ничего не сказал.

Ясно.

Надела пальто, обернулась вокруг шеи шарфом, прошла на кухню.

Васька лежал на стуле: растянулся, лапа свисает вниз, пузо вверх.

Сонный, довольный, мой дорогой пухлый кот.

Только хвост дёрнулся, когда я подошла.

— Привет, лентяй, — поприветствовала пушистого друга я, наклоняясь к нему.

Он потянулся, выгнулся, протяжно мяукнул. Я погладила его по голове, провела ладонью по шерсти.

Мягкий, тёплый — единственный, кто здесь всегда рад меня видеть.

Проверила миску, подсыпала немного корма.

Он тут же сел и стал есть с важным видом. Это как с лотком, ему только дай, только помой и он бежит.

Я наклонилась, чмокнула его в макушку. Персик мой сладкий.

— Не скучай. Я вернусь как обычно, — шепнула я.
Васька отреагировал коротким «мрр», будто понял.
А я взяла сумку, огляделась на кухню — порядок, чисто, тихо.
Слишком тихо.
У двери задержалась.
Сжала ремешок сумки, выдохнула.
— Эх... — тихо сказала сама себе.
Закрыла дверь и услышала, как щёлкнул замок.
Сердце будто дернулось вместе со звуком.

Я спустилась вниз, вышла на улицу — серое небо, машины, люди с недовольными лицами.

Все как обычно.
Я пошла к машине, чувствуя, как внутри всё ещё тянет тугой нитью.
Но идти нужно. Работать нужно.
Жить — тоже.
Хотя бы попробовать.

И где-то глубоко внутри мелькнула мысль — может, если перестать ждать, станет легче?
А потом я вспомнила его храп, тепло под рукой и то утреннее «пусто» — и поняла, что легче не станет.

Просто привыкну .Как привыкла ко всему остальному.

...

На работу приехала почти не опоздав.
Кто-то уже репетировал в соседнем зале, из-за стены тянулись первые ноты хора.
Я прошла по коридору, поздоровалась с уборщицей, поправила шарф и, улыбнувшись себе, подумала, что, может быть, не всё еще потеряно — ни в жизни, ни в душе.
Зал встретил гулом голосов.
Хористы разогревались, звукорежиссёр проверял микрофоны.
Я опустилась в кресло посередине ряда, открыла блокнот, кивнула ребятам:
— Начинаем. Без спешки. Слушаем дыхание.
Музыка, голоса.
Я слушала, кивала, кое-где делала пометки.
И вдруг — хлопок кресла рядом.
Рядом плюхнулась Лена.
Ой, только ее не хватало с утра пораньше.
Ленка, черт ее дери, вечно шумная, живчик еще тот. Выматывает меня за пару минут.

— Тань, ты только посмотри! — она уже суёт мне под нос экран, — Новая база отдыха!
Смотри, лес, пирс, банька. Всего часов пять от Москвы!

Я усмехнулась.

— Лен, мы вообще-то репетируем.

Ее если не напомним, она и вовсе про работу забудет. Егоза.

— Ой, Тань, да я краем глаза! — отмахнулась она, — Но, слушай, может, махнем туда на денёк? Коллективом! Ты отдохнёшь, я от своего балбеса сбегу, воздухом подышим. Даже на два дня можно! Отоспимся, песни споём у костра.

Она тараторила, будто боялась, что я успею отказаться.

Я посмотрела на сцену — хористы пели финал, у кого-то дрогнул голос, кто-то засмеялся.

— Где это хоть? — спросила я, не отрывая взгляда от хора.

— На Валдае! — выпалила Лена, — Очень хвалят! Надо прямо сейчас бронировать, пока не заняли.

Слово «Валдай» будто кольнуло под кожу.

Сердце на секунду остановилось.

Вот так совпадение.

Я сделала вид, что просто задумалась, перевернула страницу в блокноте и сказала:

— Поедем. Бронируй.

Лена ахнула.

Мое согласие это последнее, что она ожидала услышать. Поверьте мне, я себя знаю. Не самый легкий на подъем человек.

— Правда?! Вот это я понимаю — руководитель с душой! — егоза хлопнула меня по плечу, засмеялась, — Всё, беру на себя. Позвоню, узнаю всё до мелочей. Домики, питание, баня, хоть костюмы не бери — в чём приедем, в том и поём!

Она уже встала, шмыгнула в проход между креслами, на ходу кому-то махнула рукой:

— Щас позвоню! Всё сделаю!

Я проводила её взглядом и улыбнулась.

Шум её шагов растворился где-то в коридоре, а я осталась одна в мягком гуле голосов.

Сцена снова ожила: хор брал новую ноту, воздух дрожал от звука.

Я сидела, слушала и думала: бывают ли такие совпадения случайными?

Или жизнь сама подсовывает нам дорогу туда, где ждут ответы,

даже если мы ещё не готовы их услышать?

Не знаю...

Глава 6

Татьяна

День неимоверно тянулся.

Я сидела за столом, глядела в монитор, листала отчёты, но ни одно слово не задерживалось в голове.

Мысли то и дело возвращались к мужу.

Как он там? Поел ли вообще? Работает, наверное, без перерыва, как всегда. Наверняка и забыл совсем о том, что о себе заботиться тоже нужно.

И вдруг, не планируя, не обдумывая, я просто встала.

А поеду к нему. Точно! Поеду!

Не звонить, не писать — просто приеду. Сюрпризом.

Идея показалась до смешного детской, но назад пути нет. Я решила!

Давно я там не была.

Когда-то каждую неделю заезжала — приносила кофе, здоровалась с секретаршей, смеялась, болтала с менеджерами.

А теперь не помню даже, кто там работает.

Узнают ли вообще? Или подумают — какая-то женщина с коробкой сладостей?

Но, может и узнают. Надеюсь.

Я подошла к зеркалу. Чуть припудрила нос, провела пальцем по губам — помада осталась, блеск на месте, причёску поправила.

Смешно.

Сорок лет почти, а веду себя, как девчонка.

Но как же хочется напомнить себе, какой я была тогда, когда он смотрел на меня иначе.

Сумка, телефон, ключи — всё при мне. Я вышла из кабинета, крикнула Ленке через коридор:

— Если что, я отойду! Но скоро вернусь!

— Куда, Танюша? — она сразу оживилась. — Опять в магазин?

— Да нет, — отмахнулась я, — По делам.

Эта пиявка меньше знает - крепче спит. Если сказать ей, что я к мужу посреди дня, то сразу начнутся расспросы.

Я застегнула куртку и уже не слушала, что она бормотала вслед.

На улице лёгкий мороз. Снег хрустел под каблуками, солнце отражалось в витринах.

Вдохнула холодный воздух. Ох, хорошо.

Так приятно просто идти, никуда не спеша. Улыбка сама появилась на губах. Снова.

Господи, как же я соскучилась по этому чувству — волнующему ожиданию.

На углу мне встретила кондитерская.

Я заходила туда редко, но знала, что там делают его любимые пирожные — с кремом и орехом. И шоколадные эклеры. Самое то!

Дверь звякнула колокольчиком.

Внутри тепло, на прилавке аккуратные ряды эклеров, макаронс, торты с зеркальной глазурью.

Я остановилась. Красота!

— Здравствуйте, что для вас? — улыбнулась девушка за кассой.

— Мне, пожалуйста... два пирожных. Вот этих. — Я указала на знакомую форму. — И, если можно, красиво упакуйте.

— Конечно! Подарочная коробка или стандартная?

— Подарочная, — ответила я после короткой паузы. — Это... сюрприз.

Пока девушка складывала заказ, я наблюдала.

Такая мелочь, а самой приятно. Надеюсь и Леше будет тоже.

Я представила, как он откроет коробку, удивится, скажет: *“Ты с ума сошла, Тань, куда мне сладкое?”,* и улыбнётся. Все равно ведь съест, ничего страшного не будет, если не часто.

И всё станет хоть немного, но теплее, верю в это.

— Вот, держите, — продавщица протянула мне аккуратную коробку, перевязанную золотистой лентой.

— Спасибо, — я улыбнулась.

“Ну что, Таня, пошли. Попробуем вернуть хоть что-то.”

Я вызвала такси, села на заднее сиденье.

Водитель назвал мой адрес, и я кивнула.

Поймала себя на мысли, что скучаю по мужу. Вот бы обнять его. Крепко крепко...

Такси повернуло на знакомую улицу. Дорога к его офису...

Боже, сколько лет я не ездила сюда?

Сердце билось быстро, даже слишком.

Я гладила пальцем по золотой ленте на коробке и шептала про себя:

— Жди меня, дорогой. Я скоро буду.

Машина замедлилась на светофоре, а я вглядывалась в стекло, пытаюсь разглядеть отражение.

Лицо спокойное, взгляд собранный, но под этим спокойствием — целая буря.

Вот она я.

Женщина, которая всё ещё надеется.

Через пять минут я уже шла по коридору, каблук гулко отдавался по плитке.

Хотела выглядеть как ни в чем не бывало, но внутри всё дрожало. Ох, мамочки.

На ресепшене стояла молодая брюнетка.

Черная водолазка, обтягивающая, короткая юбка — чуть повернись неловко, и будет уже нарушение дресс-кода.

Губы алые, ногти длинные, взгляд какой-то неприятный.

— А вы куда, женщина-а? — протянула она, не смотря даже на меня.

Голос — противный, тягучий, как резина.

Я остановилась.

— К мужу, — ответила я и пошла дальше по коридору.

Она цокнула языком, явно не собираясь сдаваться.

— Женщина, рабочие внизу. Вам сюда нельзя.

Я обернулась.

В груди что-то вскипело.

Девочка...

— Это вы, что ли, тут новенькая? — я аж сама себя не узнала. — Я к Алексею Дмитриевичу. За языком следите.

Она нахмурила брови, губы поджала, будто я ей испортила настроение.

— Я просто выполняю свою работу, — процедила она недовольно.

— Вот и выполняйте, — ответила я.

У неё на лице промелькнуло недоумение, потом — снисходительная улыбка.

Когда-то я часто здесь бывала, а теперь стою перед какой-то нахальной девчонкой, которая разговаривает со мной как со вторым сортом.

Это она?

Вот эта — Лера?

Та самая, что подарила ему брелок?

Да уж.

В голосе — раздражение, на душе — ревность.
Господи, неужели настолько можно быть бестактной?
Черная водолазка, юбка, этот взгляд из под ресниц — всё нарочито, всё вызывающе.
А губы — ярко-красные, будто специально, чтобы бросались в глаза.
Да, если это Лера, то, видимо, теперь у него на работе стало “веселей”.
Я выдохнула, выпрямилась, стараясь держаться.
Каждый шаг отдавался злостью.
В груди всё сжималось — не от страха, от оскорбления.
Шла и чувствовала, как внутри растёт злость.
Злость.
Из-за него.
Из-за нас.
Или из-за того, что я ревную.
Очень ревную, особенно к такой “яркой” особе.

Дорогие читатели, а пока мы ждем продолжения, приглашаю вас в МОЮ очень эмоциональную историю

"После развода. Верни свою семью"

ссылка: <https://litnet.com/shrt/qKGo>

Аннотация:

– Я так не могу. Я не могу простить тебя. – стою с чемоданом в руке и смотрю на мужа.

– Все бабы измены прощают, а ты такая вся нежная нашлась? – рычит он и выхватывает у меня сумку. – Не дури, Надя, будь мудрее. Без нормальной работы и с ребенком, куда ты пойдешь?

– Туда где нет тебя и твоего предательства.

Четыре года назад он мне изменил. Я пыталась простить, пыталась смириться, не не смогла.

Ушла, развелась, поменяла работу, даже завела собаку.

Строила новую жизнь, пока в один прекрасный день он не появился на нашем пороге.

В преддверии нового года решил поверить в чудо и вернуть семью?

Удачи, предатель.

♥#ХЭ ♥#

Глава 7

Алексей

Сидел в кабинете.

Тишина. Только часы тикали, будто насмехались — ещё один день, Мартынов, впустую.

Пролистал каталог — дома, бани, пирсы, стеклянные стены.

Может, махнуть на рыбалку, с мужиками? Как раньше.

Хоть пару дней без звонков, без этих бесконечных совещаний.

Голова гудела. Третий день, как бетон.

Виски давило. Пальцами провёл по лбу — горячо.

Не спал нормально, не ел. Только кофе и раздражение.

Документы на столе — стройка на Валдае.

Снег сойдёт — начнём. Надо выехать, лично всё проверить.

Но всё калило. Всё.

Подписал, пролистал, бросил ручку.

Перевёл взгляд.

Рамка.

Фото.

Таня с дочкой, лет десять назад, смеются, мороженое на носу.

Красивые. Мои. Были? Есть? Смотрю, не оторваться.

— Семья, — прошептал я.

Сглотнул скопившуюся в горле слюну и откинулся на спинку кресла обратно.

Семья.

Как слово — простое, а внутри пусто.

Наверное, я с катушек съехал. Устал. Хандра эта, тьфу.

Ни радости, ни драйва. Работа — по инерции.

Дом — тишина.

Жена...

Да, она рядом. Но будто резиновая кукла не первой свежести. Сама уж задолбалась от жизни такой.

— У меня что, кризис, блять, к пятидесяти? — уронил в пустоту.

Никто не услышал, ведь я один в кабинете, даже жалюзи закрыл. Полумрак.

— Рано ещё, — продолжил бурчать сам себе под нос, — для кризиса этого вашего.

Значит, просто с катушек съехал.

Покачался в кресле.

Захотелось нажраться. Или уехать.

Не бежать — просто уйти от всего.

От разговоров, от недосказанности, от этой долбаной тишины в голове.

“Куда бы ты, Леха, не ехал, ты везде берешь с собой себя. От себя, сука, не сбежать и не скрыться. Что толку тогда?”

На телефоне замигало уведомление — Лера скинула отчёт, короткое «готово, шеф».

Рабочее. Ничего лишнего. Но я поймал себя на том, что ждал этих сообщений чаще, чем надо.

Привык к вниманию, к лёгкости, да и к улыбке без претензий.

Молодость рядом всегда давала иллюзию, что ты ещё сам ого-го.

Но я не дурак. Знаю, чем пахнет. Блять.

Двинул рамку.

Вспомнил Таню. Вчера совсем грустная была, да и я наговорил лишнего. Лишнего не лишнего, я тоже не железный. Как бы то не звучало у нас мужиков тоже сердце и терпение есть. Я не железный, не терминатор, тоже чувствовать умею и переживаю. За все..

Я устал быть нужным только как добытчик, домоуправленец и отец.

А она, наверное, устала ждать, когда я снова посмотрю на неё, как раньше.

Всё просто.

И всё не так.

Выдохнул.

Налил воду, выпил.

Посмотрел в окно.

Город, снег, серый день.

Поднялся к столу, бросил взгляд на рамку.

— Семья, — снова прошептал в пустоту.

Слово будто сжимает грудь.

Не знаю, куда я качусь вообще. Куда моя крыша едет?

Но знаю, что если так дальше — точно в никуда.

Поток мыслей прервался - дверь скрипнула.

Лера.

— Алексей Дмитриевич, — как кошка мурчит. — Я принесла документы.

Оставила папку на столе, аккуратно.

А дальше пошла обратно, но остановилась у двери, не уходя.

Я наконец поднял глаза.

Взгляд — щенячий, виноватый. Голова чуть наклонена вбок.

— Можно... на полчаса раньше уйду? — спросила она осторожно. — Пожалуйста. Я всё закончу раньше, отчёты и письма я уже отправила.

Я замер.

В голове первая мысль: с какого хера?

Ни дня без «можно уйду», «можно не прийти», «можно завтра доделаю».

Система, блядь.

— Причина?

— Меня подруга позвала на каток, — протараторила Лера и тут же добавила, будто оправдываясь. — она замуж за иностранца выходит. Уже послезавтра уезжает из города. Последний день тут. Мы просто... ну... спорт, атмосфера... и такой каток открыли, новый, крытый. Я давно не каталась.

Она улыбнулась виновато.

Я молча посмотрел на неё.

Всё это говорилось искренне, с тем самым девчачьим блеском, который я давненько ни в ком не видел.

Каток.

Блядь, каток.

Работать не хотим, зато кататься, пожалуйста.

Тяжело выдохнул.

Потер висок — опять эта тупая боль.

Всё в тумане.

Голоса, свет, эти бесконечные бумаги, звонки.

Даже Лера перед глазами — будто не человек, а шум белый.

Я мотнул головой. Улыбнулся, потому что проще улыбнуться, чем ругаться. Что орать то?

Вот и я не знаю.

— Иди. Что с тобой поделать. Только не частите с такими просьбами.

Она аж распрямилась.

— Спасибо! — кивнула, почти засияла.

Аккуратно открыла дверь — будто боялась, что передумаю.

И вышла.

Дверь за ней закрылась, и стало снова тихо.

Слишком тихо.

Я уставился на стол.

Папки, документы, кофе остывший.

Механически сдвинул одну, поставил подпись, потом ещё.

Вдохнул. Выдохнул.

Вот блядь, молодеж, пошла.

Каток.

Снег, лёд, музыка, смех.

Жизнь, короче.

А я тут.

Сижу, как старик, тридцать звонков в день, подрядчики, налоги, бетон, отчёты, эти бесконечные цифры.

Когда я вообще в последний раз смеялся не потому, что надо?

Не помню.

Может, тоже поехать на каток?

Какой каток, Лёша, тебе под пятьдесят.

Промелькнула мысль — и сразу смех.

Я провёл ладонью по лицу, чувствуя щетину.

Пора бриться, пора что-то с женой делать, пора хоть что-то решать.

Но всё равно не двинулся.

Сколько лет я уже в этом кресле?

Пятнадцать? Двадцать?

Всё то же самое.

Каждый год — стройка, сезон, зима, планы, сдача.

Меняются люди, логотипы, техника.

Только я — один и тот же.

Открыл ящик, достал обезболивающее, проглотил без воды.

Стал смотреть в окно.

Небо серое, город серый.

Даже снег не белый — грязноватый, в разводах.

Такая же жизнь.

Задумался. В последнее время слишком часто думаю.

Когда перестал ждать выходных, перестал радоваться, когда звонит дочь? Не потому что не люблю — просто будто всё слишком банально и... даже не знаю как описать.

Хандра.

Психологи скажут — кризис возраста, выгорание. А я знаю: просто пустота. Все вокруг хотят, чтобы ты решал, чтобы ты любил, внимание уделял, был мужиком блять, был сильным. А ты сам — ничего не хочешь.

Телефон мигнул.

Сообщение от Леры: «Спасибо большое, вы лучший босс. Хорошего дня!»

Но я всё равно ухмыльнулся.

Работать не хочет — зато спасибо помнит. Благодарная дама.

Бог с ней.

Встал, прошёлся по кабинету, но вернулся и остановился у стола.

Рамка.
Я провёл пальцем по стеклу.
— Семья? — произнес очередной раз вслух.
Тихо.
Никто не ответил.
Вернулся в кресло.
Сел.
Закрыв глаза, сжал переносицу.
И подумал:
если так пойдёт дальше...
А потом открыл, снова взял ручку.
Работать надо.
Пока можешь.
Пока не съехал окончательно.

Глава 8

Татьяна

Я зашла тихо, почти неслышно.

Он сидел за столом, что-то писал в блокноте, лицо сосредоточенное, глаза усталые.

Я застыла на мгновение в проеме, не зная, рад он мне или опять раздражен.

— Привет.

Он поднял голову, кивнул.

— Привет.

— Не отвлекаю? — спросила, делая шаг к его столу.

— Да нет, — отозвался он. — я как раз заканчиваю отчёт.

Я уселась напротив в кресло и поставила коробку на колени.

Тишина.

Хотелось хоть какой-то теплоты, но между нами — ничего.

— Ты сегодня поздно? — осторожно спросила я.

Он пожал плечами.

— Посмотрим.

— А завтра уезжаешь?

— Не знаю, Тань.

Я кивнула, но не остановилась.

— У тебя ведь там уже есть место пригодное для жизни?

— Ага.

Он ухмыльнулся подписывая очередной документ.

— Когда тогда поедешь? — не знаю зачем, но я заваливала его вопросами.

Просто... хотелось знать, чем будет занят мой муж, какие у него планы и цели помимо работы и странных смс в телефоне.

Он оторвался от бумаг, посмотрел мне в глаза, прищурился.

— А зачем ты спрашиваешь?

— Просто интересно, — растерянно улыбнулась, — хочу знать, когда тебя ждать.

— Таня, — он сдержанно вздохнул, — ну зачем ты пришла?

Эти слова резанули.

— В смысле? — спросила я тихо. — Я же просто... приехала увидеть тебя. Привезла пирожные к чаю.

Я протянула ему коробку с золотой лентой. Он бросил взгляд на нее и снова перевел на меня.

Ясно.

Закрыв папку, медленно положил ручку.

— Я ценю. Но сейчас не время. У меня голова кругом. Я ведь не на допросе, а ты как... следак доебистый. Куда, когда, еще спроси с кем будешь, их имена, фамилии, даты блять рождения.

Он завелся с пол оборота.

Леша, что случилось?

Откуда в нем столько злости? Почему такая реакция на стандартные вопросы жены и человека, которому не плевать?

Я почувствовала, как внутри поднимается волна — не злости, нет — боли.

— Прости, я не хотела лезть, — выдохнула я. — Просто соскучилась, Леш. Принесла сладкое, подумала ты захочешь, тут твои любимые с крем...

— Таня, не начинай, — перебил меня муж. — У меня день тяжёлый.

— А у меня что, лёгкий?! — голос мой сорвался. — Я с утра на ногах. Я в эту кондитерскую зашла, выбирала, хотела чтобы ты...

Он поднялся, положил телефон, но глаза оставались холодными.

— Зачем ты пришла, Тань? Я же тебе сказал вчера — я устал.

— Я просто хотела чтобы ты знал - твоя жена о тебе заботиться.

Чувство вины кольнуло где-то в груди.

— Забота твоя, — он усмехнулся, — души.

— Души?! — мне стало смешно и больно одновременно. — Я душу?! Я, которая тебя двадцать лет терпит?! Которая борется за нас, когда ты сам давно махнул рукой?!

Он подошёл ближе.

— Хватит, Таня. Хватит. Я не железный. Я не могу больше жить под постоянным контролем. Под этим твоим “давай поговорим”, “я переживаю”, “мне страшно”.

— А мне, по-твоему, легко? — я взорвалась. — Я из кожи вон лезу, чтобы нас сохранить! Я всё тебе готова простить — холод, молчание, эти твои вечно поздние возвращения!

Он резко повернулся к столу, сжал кулаки.

— Господи, да что ты ко мне прицепилась!

— Потому что я жена тебе, а не мебель! — крикнула я. — Или у тебя теперь и в этом есть замена?!

Он обернулся, глаза сверкнули.

— Вот! Началось! Опять ревность, опять подозрения! Ты даже себя со стороны не слышишь. С тобой невозможно, чокнутая!

— Невозможно? — я почувствовала, как трясутся руки. — Так иди туда, где возможно! К этой... к своей новенькой!

— Да что ты несёшь?! — он шагнул ближе. — Лера — сотрудница!

— Да ну?! А чего ж ты от её смс сразу оживляешься так?! — голос мой дрожал, но я уже не могла остановиться. Эмоции и обида взяли верх надо мной. — Сидишь дома как тень, молчишь, а стоит телефону пискнуть — и сразу улыбка!

Он схватился за голову, прошелся по кабинету.

— Я не обязан отчитываться тебе с кем переписываюсь!

— Конечно не обязан, — кивнула я, чувствуя, как внутри всё горит. — Ты давно уже ничего не должен. Ни мне, ни семье. Ты свободен, Леша!

Я подвинула перед ним коробку с тортом — руки дрожали, будто не коробку, а сердце своё положила.

— Зажрался ты, дорогой муж, все у тебя складно-ладно. И работа и дом. С жиру бесишься и только! Придумал себе депрессию!

— Таня, не устраивай цирк, ладно? — он в момент стал еще злее. — Ты меня позоришь.

— Нет, — я шагнула ближе. — Это ты себя позоришь, Леша. Перед всеми. И самое главное — перед самим собой.

Тишина.

Гневный взгляд.

Я развернулась и пошла к двери.

Он хотел что-то сказать, но я не слушала.

Плечать.

Вышла.

Слёзы текли по щекам, но я шла прямо, не вытирая их.

Хочешь быть сильной, Таня? Будь.

А потом — коридор.

И вот она — Лера.

Улыбка до ушей, юбка по трусы, голос — звонкий.

— Что ты в ней нашёл, Лёша? — спросила я саму себя. — Чего во мне уже нет?

И ответила себе сама:

— Молодых любят за легкость и энергичность. Старых — за привычку и удобство... А середины нет, как бы не хотелось.

Глава 9

Татьяна

Я вернулась на работу, как во сне.

Прошла по коридору, улыбнулась кому-то из девочек, но сама улыбка будто нарисованная.

Злая, не понимаю, как так смогла сорваться на него. Как так смогла себя повести, но в тоже время даже рада, что высказала ему. Высказал, что думаю об этом зажавшемся козле.

Ох... Люблю его, как бы там не было.

Нам просто надо справиться с этим плохим периодом. Просто справиться и все будет у нас как прежде хорошо.

Закрyla дверь, села за стол, открыла ноутбук.

Пальцы сами набрали в поиске: омоложение после сорока.

Страницы посыпались одна за другой — советы, фото до и после, названия процедур.

Как вернуть свежесть лицу.

Как убрать носогубные складки.

Как восстановить упругость кожи.

Картинки одна краше другой — молодые, сияющие женщины, будто только что сошли с рекламных щитов. Ни одной настоящей морщины. Ни следа усталости.

Я смотрела и чувствовала, как внутри растет что-то между болью и злостью.

Вот оно что.

Вот почему он смотрит на неё — на Леру, на этих девочек. Свежесть.

— Черт, — выдохнула я в пустоту кабинета. — Неужели это только молодость?

В голосе звенело отчаяние.

Неужели всё настолько просто?

Что достаточно просто быть моложе — и тебя снова хотят, снова замечают, снова ждут?

Я не могла в это поверить. Но в глубине души именно этого и боялась.

Открыла ещё одну статью: зарядка для лица, упражнения против морщин.

Начала повторять — смешно, но делала: надула щеки, подняла брови, растянула губы в нелепую улыбку.

Посмотрела на себя в отражении монитора и засмеялась. Смех был короткий, почти без звука.

Боже, до чего я дошла.

Женщина, директор Дворца культуры, руководитель с двадцатью людьми в подчинении, сидит в пустом кабинете и делает гримасы, чтобы вернуть любовь.

Смахнула ладонью по лицу, будто стирала эту глупость.

Но в груди стало легче. Немного.

Хотя бы оттого, что я ещё пытаюсь.

Открыла вкладку косметолог недалеко.

Записаться.

На завтра, на вечер. Пусть посмотрит. Пусть скажет, что со мной ещё можно работать.

Я всегда была экономной.

Любила считать, любила планировать, накапливать, выбирать самое выгодное.

Но сейчас впервые подумала — а зачем копить, если сама превращаюсь в тень?

Может, пора вложиться в себя?

Ботокс.

Биоревитализация — курс из трёх процедур.

Глаза скользили по цифрам, по обещаниям врачей.

“Кожа станет сияющей”, “морщины разгладятся”, “взгляд заиграет”.

— Ха, заиграет, — усмехнулась я, — если только чудом.

Но всё равно записалась.

Не потому что верила, а потому что не могла больше просто сидеть и ждать, пока всё совсем исчезнет — и я вместе с этим “всё”.

Закрыла ноутбук.

Провела ладонью по щеке — кожа сухая, чуть шершавая.

Раньше Лёша любил прижиматься к моему лицу, говорил, что у меня пахнет сладким.

Сейчас даже просто объятий не осталось.

И всё-таки... если он увидит меня после процедур, если я стану другой — вдруг в глазах что-то щёлкнет?

Может, вспомнит, как когда-то смотрел.

Может, почувствует хоть искру.

Я сидела, глядя в окно.

Снег медленно ложился на землю.

Люди спешили по своим делам, жизнь шла дальше.

А я всё ждала — перемен, волшебства, второго шанса.

— Может, и глупо, — шепнула я себе. — Зато хоть не безнадежно.

Обняла себя руками, будто хотела согреться изнутри.

В груди всё ещё жила боль, но где-то под ней, глубоко, тлела крошечная искра.

Надежда.

Как всегда — умирает последней.

Пока что ещё жива.

Глава 10

Алексей

Сидел, как на иголках. Всё внутри кипело, мысли путались.

Только что наговорил Тане, и вроде бы не хотел — а всё равно сказал, блять, как всегда.

Руки дрожали, злился на себя, но больше — на неё. Баба-дура.

Почему она всё время лезет туда, куда не просят?

Почему не может просто отпустить, дать мне выдохнуть? Коза упрямая, — мелькнуло раздражённо.

Хоть и люблю её по-своему, но порой такое ощущение, будто живу в клетке из её заботы. Каждый вопрос — как укол.

Каждый ужин — как экзамен. Каждое «ты где был» — как допрос.

Претензии, претензии, претензии. Сколько можно годами мужика пилить? То то, то это, то дома, то там. заебал, честное слово. Слов других нет.

— *Леша, помой посуду. Леша, дорогой, помоги развесить стирку. Леша, ты почему не убрал? Леша нельзя так!*

Можно так как я решу, епа-мать!

Пилит, пилит, пилит, пилит.

Это я еще не вспоминаю как дочку воспитывали.

— *Сходи на утренник, надо на субботник, может сходишь со мной на собрание, сделаешь с ней уроки, надо платье выбрать, сходишь с ней в магазин, она очень хотела с папой?*

Я РАБОТАЛ!

Щёлкнул ручкой.

Раз. Два. Десять.

Щелкал, щелкал, щелкал, щелкал...

Сорвался, откинул её на стол, тяжело выдохнул.

Бред какой-то.

Всю жизнь вкалываешь, строишь, обеспечиваешь, а дома — вечное «ты изменился, ты холодный, ты не тот».

Может, я просто устал быть «тем самым»?

Посмотрел на стол. На коробку с золотой лентой. Заботушка, блять.

Выдохнул. Потом поем.

Телефон завибрировал на столе.

— Да, — рывкнул в трубку.

— Димыч. Слушай, завтра завоз новых матрасов в отель на Кленовой. Заедешь, проверишь?

— Да, проверю.

— Ну, отлично, я тогда в обед подъеду.

— Давай.

Сбросил вызов, откинулся на спинку кресла. Голова гудела.

Клац-клац-клац — пальцы опять нашли ручку.

Чёртов нервный тик.

Клац-клац-клац-клац-клац, блять.

Раньше мог сутки на стройке стоять и не раздражаться.

Теперь — одно слово, один взгляд, и будто всё внутри взрывается.

Может, и правда поехать куда-нибудь? С пацанами, на рыбалку. Тишина, водка, костёр. Без разговоров, без этих «почему», «зачем», «что не так».

Мечта, блять.

Неделя без женских истерик, без телефонов, без отчётов.

Сидеть на берегу и просто молчать.

Глаза упали на рамку.

— Семья, — снова прошептал в тишину.

Поднялся на кресле, взял рамку в руки.

— Полежите пока, — буркнул громче, чем планировал.

Открыл ящик, убрал внутрь и закрыл.

Щелкнул теперь замок.

Тишина, такая, что в ушах звенит.

Хандра, — подумал. Настоящая мужская хандра. Не лечится ничем — ни бабами, ни водкой, ни новыми машинами. Всё вроде есть, а внутри пусто.

Стучал пальцами по столу, пока не услышал другой стук — осторожный, нерешительный.

Пауза.

Я громко раздражённо выдохнул.

— Кто там?

Дверь приоткрылась.

В щели — знакомая фигура.

Лера.

В шапке, будто не успела снять, пальцы теребят ремешок сумки.

Помада ее краснющая стерта, глаза чуть красные.

— Алексей Дмитриевич... — тихо. — Ещё раз здравствуйте.

Она стояла на пороге — вроде бы по делу, а вроде просто пришла, чтобы что-то сказать.

И в этот момент он почувствовал, как раздражение вдруг сменилось усталостью. Такой, от которой хочется только одного — исчезнуть.

Снять с себя эту жизнь и выдохнуть наконец.

Но вместо этого я кивнул и произнес сухо:

— Заходи, Лера. Что такое?

— Алексей Дмитриевич, у меня тут у подруги чп. Она не сможет приехать. Я хотела узнать, может вы со мной на каток сходите? Совсем одна боюсь. Катаюсь плохой. Там такая погода и такой воздух свежий хороший. Что скажете? Вы умеете кататься?

Глава 11

Татьяна

Я приехала домой, тоже словно на автопилоте.

Снег уже валил плотной стеной, фонари уже не помогали видеть куда идешь, либо просто у меня состояние разбитой женщины. Не знаю.

Открыла входную дверь, шагнула в пустую квартиру. Потопала, стряхнула с сапог налипшие куски льда.

Сняла пальто, повесила. Шарф туда же, сумка на стульчике.

Огляделась — порядок идеальный, ни одной вещи не сдвинуто.

И эта идеальность давила, будто издевалась – А тут Таня и мусорить некому, все равно никто не живет.

– Эх, – грустно выдохнула я, замечая лишь одну небрежность - игрушку Васьки, плетеный шарик.

Валялся ярким красным пятном посреди прихожей.

– Игрался мой сладкий, скучно тебе, – добавила в тишине, понимая, что даже кот меня не встречает.

На часах было почти девять.

Никаких сообщений.

Никакого «буду позже» или очередное «задержусь на работе».

Пусто.

Я прошла в гостиную, опустилась на диван.

Нажала кнопку на пульте — камин загорелся мягким оранжевым светом. Пламя нереальное, но хоть какая-то мнимая иллюзия тепла.

Сняла с себя кардиган, вздохнула, потянулась, словно тело само просило остановиться хоть на минуту.

Из спальни лениво выполз Вася. Сонный, вялый, заваливается еще вправо.

Потянулся, зевнул, подошёл ко мне и, как всегда, без слов прыгнул на диван.

Сел прямо на грудь, уткнулся лбом в подбородок.

Я обняла его, прижала к себе.

Хотя бы кто-то рядом.

— Привет, мой хороший, — прошептала я, — Опять мы с тобой вдвоём, да?

Он ответил тихим «мрр», ткнулся лапой мне в щеку.

Я улыбнулась сквозь усталость.

— Да-да, я знаю. Папка твой нас не любит, кажется, — сказала шёпотом, будто боялась, что кто-то услышит. — Всё. Не нужны мы ему стали. Ни я, ни ты.

Он посмотрел на меня своими огромными глазами, моргнул медленно, по-кошачьи понимающе.

Я провела ладонью по его спине — шерсть мягкая, сам как трактор мурчит.

Лежала так, смотрела, как за окном ветер гоняет снежинки по стеклу.

Казалось, будто сама жизнь застыла. Словно ничего не радует и ничего не беспокоит.

— Зачем я на него накричала... — выдохнула в пустоту.

Голос сорвался.

— Зачем? Он же просто устал... А я... как всегда, со своими “поговорим”, “послушай”. Зачем, Таня?

Васька перевернулся, положил лапу мне на руку, как будто утешал.

Я рассмеялась тихо, горько.

— Вот так и живём, да, Вася? Я и кот. Он работает, я разговариваю с животными. Да? Скажи - хозяйка, ты уже с ума сошла.

Откинулась на подушки, прикрыла глаза, почесала шерстяного за ушком.

Думала, что хоть немного отпущу мысли о Леше, но вместо этого всплыло всё — как он смотрел на меня, как сжал губы, как отвернулся, как кричал, словно я ему что-то плохое сделала.

И я снова почувствовала себя виноватой, даже не зная, в чём.

Как будто во всём сразу.

Телефон завибрировал. Я дёрнулась, сердце ударило — вдруг он? Но нет.

Анечка.

Дочка.

"Мамуль, я попозже приеду. Как у вас там дела? Как папа? Я ему звонила, но он что-то трубку не берёт."

Я смотрела на экран, и будто в горле что-то хрустнуло. Не могла ответить. Не могла даже придумать, что сказать.

"Как папа?"

А как он? Молчит, не звонит, уходит, злится, избегает. Папа твой устал от нас.

Прижала телефон к груди. Горькие слёзы сами покатались по щекам, горячие, настоящие. Не рыдала — просто текли. Больно. И страшно за будущее. Что с нами будет?

А Вася снова ткнулся носом мне в руку, будто говорил: "не плачь, всё пройдёт".

Я гладила его по спине и шептала:

— Всё хорошо, малыш. Просто... У людей так бывает, сердечко болит.

Камин потрескивал, лампа мерцала. И в этой тишине я вдруг поняла — я больше не жду звонка. Просто жду, когда перестанет болеть.

Но не переставало. Даже наоборот — чем дольше лежала, тем сильнее в груди пульсировала тоска.

Словно кто-то вычерчивал внутри острым карандашом слово "конец".

Я перевернулась на бок, укрылась пледом, посмотрела в окно.

Снег всё шёл и шёл. Васька свернулся у меня под рукой.

Уютно, дом.

И всё равно пусто.

— Всё у нас будет хорошо, да, Вася? — прошептала я. — Когда-нибудь. Обязательно.

Он ответил коротким "мрр". А я улыбнулась, смахнула слезу и подумала: наверное, надеяться — это единственное, что у меня ещё получается.

Глава 12

Алексей

Я посмотрел на неё — вроде бы та же Лера, которую вижу каждый день. Но именно сейчас она стояла как-то по-другому.

Шапка сбилась набок, щеки красные, губу прикусывает, варежки из сумки торчат, как у школьницы. Стоит, глаза блестят.

Ждёт.

И чего-то во мне сдвинулось в мертвой точки.

— Так вы умеете кататься? — спросила она, почти шёпотом.

Голос дрогнул, будто боялась услышать «нет».

Я усмехнулся.

— Умею. Пойдем.

Я ответил не задумываясь.

Не знаю, зачем сказал это.

У меня дел — завались. Завтра завоз матрасов, бумаги, стройка, куча мелочи.

Но в этом предложении было что-то странное. Нечто такое, что не укладывалось в мои представления о нормальности.

Она засияла.

Улыбнулась — не тем самым натянутым офисным лицом, а по-настоящему. Искренне, блять, что-ли как-то.

Щеки тут же алым вспыхнули ещё сильнее.

— Правда? — выдохнула она. — Серьёзно?

Я кивнул.

Благо у меня тут рабочая одежда есть, для поездок на объекты. Переоденусь, не в костюме же там барахтаться.

— Давай, жди меня внизу у парковки. Через десять минут спущусь и поедем.

— Да, хорошо, конечно. — протараторила она, будто боялась, что я передумаю.

Я не передумал, пока что точно. Поедем.

Она уже почти выскользнула за дверь, потом обернулась:

— А хотите... горячий кофе с собой возьмем? Ну, чтоб согреться хоть.

Я улыбнулся сам себе. Вот приколистка.

— Давай. Только мне — с сахаром, — сказал я, глядя, как она достает варежки из суки и быстро исчезает.

Когда дверь за ней закрылась, я остался один.

Посмотрел на пустое место, где она только что стояла, и тихо спросил сам себя.

Что я делаю? На каток?

С девчонкой, которая младше меня на полжизни? Да я лет пять на этих коньках не стоял!

И вообще — куда я лезу?

Но губы всё равно не могли не растянуться в улыбке.

Отошёл к окну.

На улице снег, фонари, машины мигают, как в каком-то старом фильме. И вдруг захотелось просто выйти на улицу — без всех этих обязанностей.

Просто... быть человеком живым.

Хотя бы час.

Хоть на катке.

Снял пиджак, повесил на спинку кресла.

Смотрю на свои руки — дрожат слегка.

То ли от раздражения, то ли от какого-то странного прилива энергии.

Почувствовал, как сердце застучало быстрее.

Живое, чёрт побери.

Я, похоже, действительно ожил.

Нашёл в шкафу старую куртку. Потрепана конечно, но она и не для выхода в люди покупалась.

Накидываю — воняет стройкой, дизелем.

Подумал: если Таня сейчас увидит, что я собрался кататься с секретаршей, — убьёт. Но ведь она не увидит... Наверняка забурилась там с очередными костюмами и с хором опять поет. Ей работа важнее меня. Что ж.

А я... я просто хочу выдохнуть, ничего ведь такого. Я ведь не в постель с Лерой ложусь, просто.. просто прогулка, ничего лишнего.

Подошёл к зеркалу.

Щетина, усталое лицо, но в глазах — какое-то движение, искра.

Давно я себя таким не видел.

Не счастливым, нет.

Просто... заинтересованным в чем-то кроме бабла.

Телефон мигнул — уведомление от дочки.

Не открыл.

Не хотел.

Не сейчас.

Взял ключи, засунул в карман, вышел в коридор.

Секретарши уже не было, только запах кофе тянулся откуда-то снизу.

Я спустился по лестнице. Она у входа стояла она — в коротком пуховике, в руках два стакана кофе.

Один протянула мне, улыбаясь чуть неловко.

— Вот. С сахаром, как просили.

— Спасибо.

Пар поднимался от крышки, снег ложился на ее длинные волосы.

Она посмотрела на меня, будто ждала разрешения на что-то.

Я кивнул в сторону машину в самом конце парковки:

— Поехали.

Она тоже кивнула в ответ.

Мы шли рядом — я чувствовал запах её духов — мандарины.

И это было странно.

После всех скандалов, напряжения, этой глухой усталости — вдруг вот так, просто ехать куда-то, пить кофе и слушать, как кто-то рядом смеётся.

Как будто внутри открыли форточку, и туда ворвался воздух.

Пиздец, Леха, вот ты дожил до маразма.

Маразм? Может и нет. Просто поймал себя на мысли: давно ли я просто вот так улыбался?

Давно ли кто-то говорил со мной не о делах, не о долгах, не о жизни, а просто — «а хотите кофе?».

Сел за руль, посмотрел в зеркало заднего вида — лицо всё то же, а глаза... другие.

В них появилось что-то от того парня, который когда-то тоже мог спонтанно сорваться — на рыбалку, на свиданку с женой, куда угодно.

Двигатель завёлся.

Лера, смущённая, потирала варежками руки, молчала, а я думал:

Чёрт. А ведь, может, не зря согласился.

Пусть хоть один вечер проведу как я хочу, а не как надо.

Глава 13

Алексей

Мы ехали молча.

Снег сыпался крупными хлопьями, ложился на стекло, фары выхватывали из темноты редкие силуэты прохожих.

Лера крутила в руках стакан из-под кофе, потом вдруг подалась вперёд:

— Можно музыку включить? — спросила она едва слышно.

— Включай, — пожал я плечами.

Она покопалась в телефоне, подключила по блютузу — и в салоне зазвучала какая-то ритмичная песня, лёгкая, почти девчачья.

Лера начала тихо подпевать, потом громче, потом и вовсе засмеялась, сбиваясь на полуслове.

А я — ехал и слушал.

Знал бы слова, может, сам бы подпел.

Но и так — приятно.

Что-то новенькое.

Она расстегнула куртку, натянула варежки до локтей, волосы растрепались, взгляд направлен на дорогу.

Я краем глаза глянул — лёгкость, простота, и всё это будто врезалось в мою серую рутину, как яркий штрих по холсту.

Я сам слегка вспотел — в машине жарко, да и от этой её живости будто температура поднялась.

Приехали быстро. Каток подсвечен, люди смеются, музыка из динамиков.

Я вышел из машины, вдохнул — воздух ледяной.

— Вы катаетесь часто? — спросил я, раз уж она спрашивала.

— Да нет, — засмеялась она и прикусила губу. — Раз в год. Обычно на Новый год, и то падаю каждые пять минут.

Чувствую, весело нам будет!

Взяли коньки напрокат. Я переобулся, поднялся, пошёл к бортику.

Лёд блестел под прожекторами, дети, парочки, подростки, музыка...

И я — взрослый мужик, стою, как пацан, не зная, куда деть руки.

Неловко. И перед ней тоже.

— Давайте, Алексей Дмитриевич, аккуратнее, — улыбнулась она, протягивая руку.

Я взял её. Варежки шерстяные, колючие, но тёплые.

Первые шаги — жутко неуверенные.

Держусь за бортик, потом отпускаю.

Она рядом, смеётся, что-то говорит — не слышу, музыка громкая, и только её смех и голос в этом шуме.

И я вдруг начинаю катиться. Медленно, потом быстрее.

В груди что-то расправилось, как будто внутри опять появилось место воздуху.

Я смотрю на неё — на улыбку, на искорки в глазах.

Поворачиваю голову, вижу в отражении стекла периметра катка себя — давно не видел там такого Лёшу.

Не директора, не мужа, не уставшего мужика. А просто человека, которому... хорошо.

Горло дерёт холодный воздух. Щёки немеют.

Пипец, как будто снова семнадцать.

— Алексей Дмитриевич, держитесь! — смеётся она, когда я чуть заношусь вбок.

— Да я держусь!!! Держусь Лера! — отвечаю, тоже смеюсь.

Качусь и руками равновесие придерживаю.

Чувствую, как мышцы работают, как кровь гоняет по венам.

Радуюсь.

Правда, радуюсь.

Она болтает — про подругу, про то, как та встретила мужчину, про то, что сейчас все какие-то напускные, с понтами.

— Раньше мужчины были другие, — говорит она. — Сильные, смелые. Знали, чего хотят, умели за женщинами ухаживать. А сейчас все то пропало. Мои ровесники просто ужас, ничего серьезного. Поэтому я люблю мужчину постарше. У них мудрость в глазах.

Я хотел пошутить, что сейчас таких не делают, но не успел — правой ногой попал в выбоину, я чуть не улетел вперёд.

Лера вскрикнула, схватила меня за руку.

Я, чтобы не навернуться, инстинктивно ухватился за неё.

Секунда — и вот я уже стою, а ладонь на её бедре.

Тёплая кожа под капроновыми колготками. Горячая я бы даже сказал. Замер сам.

Она подняла глаза.

И я застыл.

Близко.

Слишком близко.

Глаза у нее — огромные, светлые, в них отражается прожектор.

Красивые.

Пиздец какие красивые.

Воздух вылетел из лёгких, сердце сбилось с ритма. Мы стояли, молча, секунду, три, вечность.

Я убрал руку.

— Осторожнее давай будем, — произнес хрипло.

Она кивнула, опустила взгляд, прядь волос упала на лицо.

Мы оба сделали вид, что ничего не случилось. Катались дальше.

Но у меня внутри всё перекошило.

Смотрел на лёд, а видел — себя.

Мужик под сорок, жена дома, семья, и вот — держит чужую девчонку за руку и думает, что у неё красивые глаза.

Пиздец, Лёша.

Ты что творишь?

Докатился. Вот оно, слово. И не про коньки.

Про всё.

Она что-то рассказывала дальше — я кивал, но не слышал.

В голове шум.

Не от ветра, не от холода. От себя.

Я смотрел, как пар идёт изо рта, как лёд скрипит под коньками, и думал — когда вообще всё так запуталось?

Когда я перестал быть тем, кем себя считал?

Провёл рукой по лицу, вдохнул холод.

Обжёг.

И, наверное, это и было то, чего мне не хватало — чтобы хоть что-то обжигало, хоть на секунду.

Она подъехала ближе, улыбнулась, уперлась руками мне в грудь — осторожно, будто проверяя, злой я или нет.

А я — улыбнулся в ответ.
Потому что злиться уже не мог.
Только стыдно.
И одновременно... хочу еще к ней прикоснуться.

Глава 14

Алексей

Мы вышли с катка только через пару часов.

Я весь мокрый, потный, будто я снова пацан после урока физры, бегу в царя горы играть.

Лера держала коньки в руках, смеялась, волосы выбились из-под шапки. Я предложил:

— Пойдём, поужинаем где-нибудь. Хоть согреемся. Ты наверняка голодная.

Она кивнула.

Нашли небольшое кафе через дорогу. Она взяла себе тёплый салат с курицей, скромно, будто стеснялась.

Я заказал мясо. Хотелось чего-нибудь горячего, с дымком. Промерз до кончиков пальцев.

Сели у окна. Она что-то рассказывала — про университет, который закончила, про маму и собаку, даже парочку офисных сплетен успела мне донести.

А я слушал и ел, стараясь не смотреть на неё.

Стыдно.

Не за нее — за себя.

За мысли. За то, что мне рядом с ней хорошо.

Неправильно, не по-взрослому, Не по родному и не по-семейному — но хорошо.

Я поднял взгляд и, не зная, зачем, сказал:

— Спасибо, что вытащила из офиса.

— Вас? — удивилась она, улыбаясь. — Так вы же сами согласились.

— Ну да, но если бы не ты — я бы в жизни сюда не поехал.

Она улыбнулась шире, глаза засветились, и я отвернулся.

Лучше не смотреть.

Нельзя.

Я женат. У меня дом, жена, дочь.

А это — баловство.

Мимолетное. Просто вечер. Просто каток и просто мнимое ощущение комфорта. нельзя.

Мы вышли из кафе, в парк.

Он был почти пуст, деревья в снегу, фонари горели жёлтым светом.

Мы шли медленно, говорили ни о чём.

Она время от времени что-то добавляла — про музыку, про работу, про то, что в Москве слишком мало адекватных людей.

Я слушал. Иногда даже ловил себя на том, что хочется ответить не как начальник, а просто как обычный собеседник.

Когда подошли к машине, я открыл ей дверь.

Она села, потирая руки, фыркнула:

— Пальцы окоченели.

— Сейчас согреемся, — произнес я и включил обогрев.

В салоне стало тихо, только шум вентилятора.

Я посмотрел на часы — почти одиннадцать.

— Подвезу тебя, — предложил из вежливости.

— Хорошо, — ответила она, даже не спорила.

Мы ехали молча.

Музыку не включали.

Я смотрел на дорогу, на красные огни фар впереди, и чувствовал, как она сидит рядом — ноги вместе, руки на коленях, взгляд в окно.

Я не смотрел.

Не смотрел.

Нет.

Следил за дорогой. Почти...

Но чувствовал.

Этот легкий запах духов, гребаные мандарины.

Когда подъехали к её дому, я остановился у подъезда.

Она не сразу вышла.

Сидела, держась за ремень сумки, словно собиралась с мыслями.

Повернулась ко мне.

— Это вам спасибо, Алексей Дмитриевич, — улыбнулась Лера. — Мне так повезло с руководителем.

Я усмехнулся:

— Слушай, не преувеличивай, я обычный человек.

— Нет, — покачала она головой. — Необычный. Вы добрый... удивительный мужчина.

И прежде чем я успел хоть что-то сказать, она резко подалась вперёд — короткое движение, запах её духов, тепло щёк, и мягкий, быстрый поцелуй.

Чмок.

Звук разрезал секундную тишину.

Я не успел даже выдохнуть.

А она уже отпрянула, глаза были расширены, губы дрожали.

— Извините, — прошептала, и, схватив сумку, распахнула пассажирскую дверь.

Выбежала.

Побежала к подъезду, утопая в снегу.

Я смотрел, как она скрывается в темноте, и не двигался.

Что это только что было?

Черт.

Сел, уставился перед собой.

Губы все еще ощущали тепло.

Я провёл рукой по лицу, выдохнул.

В голове звенело: еп твою мать, что ты творишь?

Выдохнул.

Взрослый женатый мужик, какой пиздец.

Опустил голову на руль и прорычал в тишину

— Всё. Поехали домой. Забудь. Просто забудь.

Но внутри знал — не забуду.

Не смогу.

Не после ее губ на моих.

Глава 15

Татьяна

Я проснулась от хлопка двери.

Приподнялась на подушке, сердце ёкнуло.

Выглянула из-за дивана, в прихожей стоял Лёша.

В рабочей куртке, весь в снегу, волосы растрёпаны, нос красный.

— Привет, Тань, — бросил он спокойно, как ни в чём не бывало.

Я моргнула, не сразу поверив, что он действительно дома.

— Привет... — выдохнула, отодвигая спящего Ваську.

Кот недовольно «мркнул» и перекатился на другой бок, свесив хвост с дивана.

— Ты на объект, что ли, ездил? — спросила я, наблюдая, как он стягивает с шеи шарф.

— Выглядишь запыхавшимся.

— Да там, — махнул рукой, — туда-сюда смотался. Мороз, сугробы. Есть что поесть?

Я кивнула.

— Сейчас приготовлю.

Пустота в животе откликнулась ноющей слабостью.

— Не надо, — сказал он неожиданно мягко. — Зачем. Быстрее будет, если закажем. Ты вообще ела сегодня?

Я растерялась.

— Нет, как-то не успела...

— Ну вот, — вздохнул. — Сейчас выберем что-нибудь. Что хочешь?

Я застыла.

Интонация другая. Не раздражённая, не усталая.

— Не знаю. — я пожала плечами. — А ты?

— А я бы поел чего-то.

Я подошла к нему на кухню.

Он сел за стол, открыл меню доставки.

— Смотри, — развернул ко мне. — Пицца, салаты, паста. Что возьмём?

— Да мне без разницы, — пожала плечами.

Я правда не знаю, только проснулась.

— А я бы пиццу поел, — он чуть заметно улыбнулся. — И салат, может, «Цезарь»? Ты ведь любишь, да?

— Люблю, — тихо ответила я.

Он кивнул, начал заполнять заказ еще набрал туда всякой всячины.

Странно, ведет себя так, как будто мы не ругались, как будто ничего не было. Как подменили.

Ладно, Тань, просто сядь рядом за стол и все.

— Завтра вечером уезжаю, — сам принялся рассказывать он, не поднимая глаз. — С утра в офис, там с отчётами разберусь, потом поеду матрасы в отеле проверить. Если всё нормально будет — останусь на Валдае на пару дней.

Я не ответила.

Он словно почувствовал паузу и продолжил сам, спокойно, даже чуть разговорчиво.

— Думаю, там пару дней побуду. Надо освежить голову. Зимой там красиво — лес, снег, тишина. Только рыбалка не в тему, лёд ещё слабый. Но хоть выплусь. — Он вздохнул и добавил: — А ты как? Работа у тебя, хор, всё это... успеваешь?

Я чуть слюной не подавилась.

Он спрашивает?

Интересуется?

Даже смотрит не сквозь, а прямо?

— Да, — выдохнула я. — Сегодня репетиция была. Устала, конечно. Девочки молодые, но всё на мне.

— Ага, — кивнул Леша, — Ты всегда так — всё на себя берёшь. Даже когда не нужно. Эти слова прозвучали без упрёка. Просто констатация факта.

Я улыбнулась ему в ответ. Он прав.

— Привычка, наверное.

— Не самая плохая, — он откинулся на спинку стула. — Лучше уж так, чем, как у нас на стройке — каждый перекладывает ответственность на другого. Никто ничего не решает, все ждут, что кто-то придёт и сделает.

Он говорил и говорил.

Про объект, про новые материалы, про подрядчиков, про то, как они снова задерживают поставку.

Я слушала и ловила себя на том, что давно не слышала этот тон и давно не слышала как он так много с интересом мне что-то рассказывает.

Он будто ожил, ума не приложу в чем дело.

— А вообще, знаешь, — начал он, чуть усмехнувшись, — думаю, может, после праздников ввести систему премий. Иначе они расслабились совсем. Я им говорю — ребята, ну вы же видите, я с вами в одной лодке, я тоже хочу, чтоб проект сдали. А они — “да, Алексей Дмитриевич, конечно. Оболтусы, е-мае, честное слово.

— А ты всё равно свое возьмешь с ними или без. — сказала я, не думая. — Ты всегда добиваешься чего хочешь.

Мне очень хотелось его поддержать.

Он посмотрел на меня чуть дольше обычного, потом тихо сказал:

— Ты так думаешь?

— Знаю, — ответила я.

Повисла короткая пауза.

Васька, совсем сонный, пришел на кухню.

Лёша посмотрел на кота и вдруг улыбнулся:

— Старееет он, наш Вася. Толстяк стал.

— Это ты его балуешь, — возмутилась я.

— Я? Он сам к миске идёт.

Мы оба рассмеялись.

Так, искренне... впервые за, кажется, целую вечность.

Он глянул на часы.

— Сейчас привезут. Ты хотя бы чаю пока налей нам, я коненчо взял газировки, но с жасмином бы выпил.

— Угу.

— И поможешь мне потом вещи собрать, ладно? — вдруг попросил он, — Сам боюсь что-нибудь забыть.

Я кивнула, не узнавая собственного мужа.

Боже, какой он спокойный.

Мягкий даже.

И где-то в глубине мелькнула мысль: может, и правда, на него подействовало то, что я сказала днём?

Все эти слова про равнодушие, про то, что я устала быть лишней.

Может, дошло.

Хотя бы немного.

Он сидел за столом, перелистывал новости про политику, а я смотрела на него — и боялась пошевелиться.

Боялась, что спугну это хрупкое спокойствие.

Может, это просто случайный вечер.

А может — начало чего-то нового.

Новых нас.

Не знаю.

Но впервые за долгое время в доме не было холода и одиночества...

Только хрустящий кормом кот, свет от камина и два человека, которые, кажется, снова вспомнили, как говорить друг с другом.

Глава 16

Татьяна

Прошло три дня.

Лёша почти не писал — одно сообщение вечером, короткое: «всё нормально, связь плохая».

Сказал, что забрал с собой спиннинг, попробует испытать удачу — «вдруг где-то рыбачат, может и мне рыбка золотая на крючок прыгнет».

Я читала это и улыбалась. Если он шутит, значит, не всё потеряно.

Сегодня у меня выходной.

Позавчера как и хотела сходила к косметологу. Оказалось не так страшно, хоть и больно.

Когда вернулась, лицо немного пекло, но к вечеру краснота спала, и я, глядя в зеркало, впервые за долгое время почувствовала себя... красивой.

Щёки чуть розовые, глаза блестели, контур губ будто чётче.

Я даже улыбнулась отражению.

Какая все-таки красавица моему мужу досталась.

Он должен был вернуться сегодня.

И я уже с утра начала готовиться, будто к празднику.

Достала курицу, натерла специями, запекла до хрустящей корочки.

Почистила картошку, сделала пюре — пышное, с яйцом и молоком, как он любит. Крабовый салат — тоже его любимый.

Нарезала хлеб, бутерброды со шпротами — смешно, но я знала, что именно их он первыми съест.

Поставила вино, разложила всё на столе, достала красивую скатерть, с вышивкой, ту самую, что лежала в шкафу несколько лет.

Пусть будет красиво.

Хотела, чтобы он вошёл и почувствовал — его здесь ждут.

Когда всё было готово, я зажгла свечи — не ради романтики, а просто для того, чтобы создать уют.

Села на диван, обхватила колени, смотрела, как Васька носится по комнате за своим плетеным шариком.

Он урчал, цеплял его лапами, скользил по полу — забавно...

Малых мой пухлявый.

— Ну вот, — улыбнулась я ему, — скоро папка наша приедет. Будет опять ворчать, что ты спишь на подушках, да шерсть разбрасываешь.

Кот замер, посмотрел на меня, мяукнул, будто согласился.

Я рассмеялась.

Всё внутри пело, как будто впереди нас ждало что-то хорошее, будто что-то случится, что повернет нашу жизнь в новое светлое русло.

Лёша уехал усталым, но вернуться то должен — отдохнувшим, спокойным, может даже веселым.

Я представляла, как он войдет, с мороза, в шапке, щёки красные, куртка в снегу.

— Пахнет вкусно. Что готовила?

А я отвечу:

— Всё, что ты любишь, дорогой. Проходи скорее.

И он улыбнется, обнимет, прижмет к себе, как раньше, душевно и крепко.

И я почувствую, что это мы, снова мы, без ссор, без напряжения, без повисших молчаливых недомолвок.

Я ходила по комнате, поправляла скатерть, переставляла бокалы — то ближе, то дальше. Не могла усидеть на месте.

Боже, как же я скучала по этому ощущению — ждать его.

Ждать с надеждой, а не со страхом чего-то плохого.

Васька снова мяукнул, терся о ноги.

Я наклонилась, погладила его.

— Давай не ерничай, я с тобой еще сегодня поиграю.

Из кухни доносился запах запеченной курицы, часы громко тикали, и каждый звук отдавался где-то под кожей.

Я подошла к окну — улица была в снегу, фонари бросали теплые отблески на стекло.

Там, за этим светом, должен был появиться он.

Всё готово.

Я — тоже.

Так и стояла у окна, слушала, как гудит ветер, и шептала в полумраке:

— Ну давай, Лёша. Вернись. Пусть сегодня всё будет по-другому.

Но он пришел только минут через 40.

Дверь хлопнула — я сразу выпрямилась, вытерла руки о полотенце.

И вот он.

— Ой, привет, — улыбнулся он.

Даже поцеловал в щёку и обнял.

Я замерла. От его запаха, от того, как привычно он держал меня одной рукой, другой ставил сумку у стены.

Почти все так, как я себе визуализировала.

Отпустил, достал из кармана ключи с тем самым брелком от секретарши и повесил их на крючок.

Я не стала задерживать взгляд на этом, уж слишком этот брелок выводит меня из себя.

Муж переодевался в домашнее, говорил что-то про рыбалку.

— Представляешь, провалился в яму по колено! Снегом затянуло. Ногу поцарапал, но фигня, — смеялся. — Ветрище был, завывал, метель такая, что ничего не видно. Хорошо, что дороги чистили, а то бы застряли совсем.

Я стояла, слушала, и сердце грелось — мой Лёша. Мой дорогой, я ведь так люблю его.

Он натянул домашние штаны, прошел по коридору на кухню, сел за стол.

— Тань, у тебя золотые руки. Спасибо тебе большое. Ты такая умница. — Он заглянул прямо в глаза, и я растаяла.

— Всё как ты любишь, — прошептала я от смущения.

Он меня похвалил... так приятно!

Лёша кивнул, сел удобнее, положил телефон экраном вниз.

Странно. Обычно кладет вверх.

Но я не подала вида, хотя где-то внутри кольнуло.

Мелочь, но почему-то именно из таких мелочей и рождается тревога.

— Ты рассказывай, как дела? — спросил вдруг он, отпивая вино.

Ой, все по старому.

— Да всё хорошо. У нас репетиции начались, скоро концерты предновогодние. Подготовка идёт полным ходом. Костюмы ждём — снегурочки и дед морозы, в этом году новые заказала.

— Угу, — кивнул, улыбаясь. — Ну молодцы вы. Все организуешь, как всегда.

И вдруг — звук.

Бзззз.

Смс.

Он чуть дернулся, поднял глаза на телефон, лицо изменилось — улыбка исчезла.
Я замолчала на полуслове.

Он нажал кнопку, быстро глянул, снова положил экраном вниз.
Я сделала вид, что ничего не заметила, хотя сердце снова кольнуло.

Откуда-то всплыло неприятное чувство — как в тот вечер, когда он в очередной раз задержался «по работе» и весь вечер потом сидел улыбаясь отвечал.

— Ну... — начала я, пытаюсь вернуть разговор. — Я вот думаю, может, с детьми из хора сделать маленький сюрприз — на Новый год, там песенку записать...

Ещё одно бзззз.

Он снова поднял взгляд, уже серьёзный, будто извиняющийся, но всё равно потянулся к телефону.

Сделал вид, что не спешит, но глаза у него стали другими. Отрешенными.

Я смотрела, как он печатает.

Большие пальцы по экрану.

Тык-тык. Тык-тык.

Он вздохнул. Тяжело.

И почему-то этот выдох больнее ударил, чем любое слово.

Я замерла с вилок в руке, проглотила кусочек картошки, не чувствуя вкуса.

— Лёш, — позвала я спокойно, но голос дрогнул.

Он не ответил сразу, просто продолжал что-то писать.

— Лёш, — повторила чуть громче. — Что у тебя там?

Он поднял голову, посмотрел прямо.

— По работе, — буркнул коротко.

И снова опустил глаза.

Всё внутри сжалось.

По работе. Конечно...

Всегда по работе.

Как же легко этим словом закрыть любую ложь.

Я взяла бокал вина, сделала глоток, словно чтобы не сказать что-то лишнее.

Глянула на Ваську — тот свернулся клубком у батареи, даже он будто понял, что в комнате стало тяжелее дышать.

Он печатал. Молча.

А я сидела напротив, смотрела на него и думала:

Неужели я всё чувствую зря? Может, это просто телефон.

Просто дела. Просто совпадения.

Но сердце ныло от боли и плохого предчувствия.

На столе горела свеча, отражаясь в его бокале.

Пахло запеченной курицей.

Он снова вздохнул, посмотрел в окно, будто проверял, сколько времени.

— Что-то ты замолчала, — вдруг вспомнил, что я сижу напротив.

— Просто устала, — ответила я, улыбнувшись.

Он кивнул, а я отвела взгляд, чтобы не показать, как дрожат пальцы.

Вечер, который должен был стать началом тепла, вдруг стал началом тревоги.

Не придумывай, Таня. Может, просто работа. Может, просто устал. Может, просто кажется.

Нет.

Хватит уже жить в догадках. не могу больше себя изводить.

— Эта Лера твоя ездила с вами? Честно говори. — я не сдержалась.

— Да, была. — ответил он, и я заметила как глаза забежали по кухне.

Вверх-вниз. Словно теперь не знает куда себя деть от моего вопроса.

Меня словно обухом по голове. Я задержала дыхание на пару секунд, затем тяжело выдохнула.

Теперь все понятно.

– Леш, давай откровенно поговорим.

Я отложила вилку, поставила локти на стол и посмотрела ему в глаза. Он сначала мотнул головой, словно сопротивляясь, но в итоге сделал тоже самое.

– Ты ведь меня уважаешь хотя бы как жену и мать твоего ребенка? – спросила я, а у самой ком в горле.

Он кивнул.

– Я знаю, что уважаешь и что хоть это в тебе точно осталось. Так давай поговорим уже откровенно? Я ведь тоже не дура, Леш. Я заметила как ты изменился последние дни и это явно не из-за моих пирожных. Я пыталась не думать об этом и верить, что у нас все хорошо. Но если правде в глаза смотреть - я сама в это не верю.

Я слотнула и сжала пальцы в кулаки.

– Просто будь честен. Просто не лги мне, я правда не заслуживаю быть обманутой женщиной. Правда, Леш. Просто ответь мне, у тебя с этой твоей Лерой что-то было?

Глава 17

Татьяна

Прошел месяц.

Леша сказал, что не изменял, что я все надумала, что просто замотался, устал, выгорел.

Он больше не задерживался на работе, приходил вовремя, вечером садился рядом, спрашивал, как день прошёл.

Просил прощения — за то, что наговорил тогда, в офисе, за свои слова, за холод.

Принёс цветы. Белые розы. Я стояла с букетом в руках и не знала, что сказать. Только кивнула.

Наверное, это и было моё «прощаю».

Я успокоилась почти по поводу Леры.

Хотя тревога никуда не делась.

Она просто стала тише, как фоновый шум, к которому привыкаешь.

Сегодня, как и последние две недели, он приезжал за мной после работы.

Я вышла из дворца культуры, на улице уже темнело.

Он стоял у машины, в руках — два стаканчика кофе.

— Привет, — улыбнулся мой любимый муж. — Я снова с горячим кофе. Поехали за ёлкой?

— За ёлкой? — удивилась я, присаживаясь на переднее сиденье.

— Ага, за живой. — Он тронулся с места, глянул на меня. — Классно, когда дома пахнет хвоей. Забылось это чувство. Да и пора уже дом украшать.

Я смотрела на него и не могла понять — что-то изменилось в его лице. Он в целом стал немного другим.

— Хорошо, — согласилась. — Мы много лет не выбирали ёлку вместе.

— Ну вот и исправим, — кивнул он, сжимая пальцами руль.

Мы поехали на рынок. Дорога заснеженная, красота.

Ехали молча, но это молчание было не тягостным, а каким-то приятным даже. С ним мне и в тишине — радость. Только бы рядом с мужем, только бы рядом.

Он включил радио — старую песню, под которую мы когда-то танцевали на кухне после рождения Аньки.

Я улыбнулась, не удержалась.

Он заметил и усмехнулся в ответ:

— Помнишь?

— Помню.

Это было настолько мило, что я чувствовала, что буду долго вспоминать.

На рынке былолюдно — запах хвои, смолы, мокрого снега и глухие голоса. Продавцы в шапках, пар над прилавками, искры гирлянд.

Леша ходил между рядов, смотрел внимательно, выбирал. Я просто шла рядом и ловила это чувство — будто всё нормально. Оказывается зима действительно может быть теплой, когда любовь греет.

— Вот эта, — определился он наконец, указывая на пышную сосну. — Не слишком высокая, зато ветки густые, пышные.

— Красивая, — согласилась я.

— Ещё ветки купим. В прихожей повесим и по дому.

— Давай, — поддержал он. — К приезду Ани, думаю ей понравится.

Я кивнула.

Мы выбрали ветки пихты, кучу свечей, украшения.

Снег падал всё сильнее, ложился на его плечи, на мои волосы.
Он стряхнул снег с меня, как раньше, легко, будто между делом.
— Натяни шарф, а то простудишься.
Я опустила глаза, чтобы он не увидел, как дрогнула улыбка.
Он заботился.
Не как прежде — формально, машинально, а потому что правда хотел, чтобы я не заболела.
Он такой милый эти недели...
Может, это шанс? Может, все еще можно вернуть?
Мы шли к машине, он нес сосну, я — коробку с игрушками.
Я поймала себя на мысли, что хочу верить.
В нас. В дом. В то, что это не просто игра в семью, а ее новое начало.
Когда он открыл багажник и принялся все укладывать, я посмотрела на него и тихо сказала:
— Спасибо, что ты у меня есть.
Он обернулся, удивился, но потом кивнул.
— И тебе, Тань, спасибо...
И почему-то именно эти слова вдруг стали для меня важнее всех прежних признаний.
Как будто надежда... я снова расправила плечи.
Домой мы вернулись нагруженные.
Шесть пакетов, ёлка, куча веток, коробки с игрушками — всё еле влезло в машину.
Багажник не закрывался, Лёша прижал крышку рукой и ругался вполголоса, пока я смеялась, держась за пакеты, которые грозили вывалиться из рук.
И от этого всё казалось почти праздничным. Новогоднее чудо — не иначе.
— Осторожней, не урони, — буркнул он, когда я поскользнулась у подъезда.
— Да я держу! — выкрикнула я.
Мы таскали всё в две ходки.
Я — с ветками и коробками, он — с деревом и мешком земли.
Да, даже землю купили — «для устойчивости», как сказал продавец.
Сосна оказалась почти два метра, пышная, колючая, все как надо.
Пока я ставила пакеты у стены, Лёша вздохнул и вытер лоб рукавом.
— Сейчас принесу еще землю. Только сначала заправлю машину, а то у меня там мало осталось, до работы не доеду, пока машина еще греется. — сказал он и взял со стола ключи, но уже без брелка.
— Хорошо, — ответила я.
Он улыбнулся, допил остатки воды из литровой бутылки и вышел.
Я осталась одна, разулась, сняла куртку, прошла на кухню, достала из пакета игрушки.
Красные, золотые, серебристые — мы набрали всего.
Шары, колокольчики, гирлянды, даже три венка — один на дверь, другие для прихожей.
Я выложила всё на стол, рассматривала, перебирала, как ребёнок.
Настроение поднималось.
Давно я не ждала праздника вот так — с лёгкой дрожью в груди, с желанием сделать красиво, уютно, по-домашнему.
Я даже включила музыку, словно уже та самая ночь.
Пока доставала мишуру, поймала себя на мысли:
А ведь хорошо.
Скоро придет Аня, будем слушать ее рассказы и резать салаты.
Я так соскучилась по дочке, аж до боли в груди. Греет только мысль, что скоро она будет дома.

Как будто под этой суетой всё равно живёт что-то другое — тревожное.

Нет, нельзя, Таня. Сегодня не место для грусти.

Сегодня всё должно быть хорошо.

Я доставала покупки, разбирала коробки, сортировала игрушки по цветам.

Поймала себя на том, что делаю всё механически, будто пытаюсь отвлечься.

Черт.

Лёша вроде рядом, вроде улыбается, даже кофе нам берет как раньше, но между нами всё равно будто тонкий лёд. Стоит сделать шаг — и треснет. Зачем я себе вру, что все очень уж хорошо? Не знаю.

Мнимая уверенность в завтрашнем дне...

Я достала гирлянду, проверила — лампочки горят, переливаются.

Красиво.

Села на диван, откинулась на спинку, закрыла глаза. Вася уже прилег у мишуры на журнальном столе.

— А ну не ешь! — Пришлось встать и переложить повыше, — не хватало тебе еще отравиться блестками!

Возмущение в виде короткого “мррр”.

И дальше тишина.

Эта тишина скребёт по сердцу.

— Всё хорошо, — уверяла я себя — Всё нормально у нас, Тань, не придумывай.

Но тут глянула на часы — Лёши всё нет. Прошло минут двадцать.

Наверное, застрял на заправке. Или решил ещё что-то докупить.

Пошла на кухню, налила себе чаю, присела на подоконник, слушала как кот уже украл игрушку и гоняет ее по коридору.

Отпила чай, и вдруг стало так тихо, что слышно было, как часы тикают.

Я поймала себя на том, что жду — не просто, когда он вернётся.

Жду, чтобы поверить окончательно — у нас всё хорошо.

Что тревога не станет моей самой близкой подругой, что не будет больше этих взглядов в сторону телефона, этого безразличия.

В этот момент — звонок в дверь.

Я вздрогнула.

Лёша?

Может, ключи забыл? Или руки заняты, не может открыть?

— Иду!

Подошла к двери, глянула в глазок — и сердце будто остановилось.

Не Лёша.

Лера эта. Стоит с возмущенным лицом в белом пальто.

Я медленно открыла дверь, растерянно.

— Здравствуйте... вам что здесь надо?

Она чуть наклонила голову вбок, всколыхнув волосы.

— Привет. Да так... поговорить пришла вот к тебе.

— Рабочий день уже давно закончился, время позднее, — выдохнула я, прищурившись.

Она сделала шаг ближе к двери.

— Я уволилась. Ещё две недели назад. Не по работе я пришла.

Я моргнула, не сразу поняв к чему она.

— С вами хочу поговорить.

— Со мной? — слова застряли в горле.

Я сделал шаг, но она уже переступила порог.

Холодный воздух ворвался в прихожую, вместе с запахом сладких цитрусовых духов.

— Девушка, вы что себе позволяете?.. — я пыталась возразить этой хабалке, но ее было не остановить.

Она сказала то, после чего я забыла как дышать.

— Позволяю, что надо. Я беременна от вашего мужа.

Глава 18

Татьяна

Кот выскочил из-за дивана, тенью скользнул мимо ног — и она вдруг отшатнулась, будто от огня.

Сердце ухнуло в пятки.

Я стояла как в тумане, не чувствуя пальцев, губ, воздуха.

Слова Леры эхом отдавались в голове, словно кто-то включил запись и не мог остановить.

— Беременна? От Леши? — переспросила я, голос сорвался, будто чужой.

Я не верила. Не верила. Он ведь сказал у них ничего не было...

Она ухмыльнулась.

— Ну не от шерсти же вашей, — шикнула она в сторону кота, и сделала шаг за порог, придерживая дверь, чтобы я не захлопнула.

Я стиснула зубы, хотела возразить ей, прогнать эту паршивку, заявившуюся в наш дом, но она тут же продолжила.

— В общем, — мерзко протянула девица, разжевывая жвачку, — ребёнок мне нужен. Аборт делать не собираюсь. От вас хочу немного — фамилию, связи, хорошую больницу для родов. И... встречу с отцом два раза в неделю, минимум.

Я не понимала, что слышу.

Мир поплыл.

Её губы двигались, а слова будто не доходили.

Я сейчас готова была под землю провалиться.

— После того как твой мужёк меня уволил, я всё сделаю, чтобы его по судам затаскали. — она не останавливалась. — И если придётся, скажу, что он меня изнасиловал. Он ведь у тебя такой... кабелина, да? Не сдержался, бедный.

Я стояла, вцепившись в край двери, чтобы не упасть.

Сердце сжалось и не разжималось.

Лёша?

Мой Лёша?

Кабелина?

Он ведь клялся, что ничего не было. Что я всё надумала. Что устал.

А она стоит передо мной и говорит обратное.

Живот ещё плоский, но слова её — как будто уже доказательство.

Я смотрю на неё, не понимаю — это правда?

Он мог?

Он такой?

— Алё, дамочка, слышишь, что я говорю? — бросила она, щёлкнув пальцами. — Муж мне твой нужен. Если р

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.